

ВЫСОЦКИЙ

Владимир
Нобиков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия)

Владимир Новиков

Высоцкий

«ВЕБКНИГА»

2018, 2021

Новиков В. И.

Высоцкий / В. И. Новиков — «ВЕБКНИГА», 2018,
2021 — (Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия))

ISBN 978-5-235-04632-0

Книга Вл. Новикова – мастерски написанный, неприукрашенный рассказ о жизни и творчестве Владимира Высоцкого, нашего современника, человека, чей голос в 1970—1980-е годы звучал буквально в каждом доме. Из этой биографии читатель узнает новые подробности о жизни мятущейся души, ее взлетах и падениях, страстях и недугах. Автор, не ограничиваясь чисто биографическими рамками повествования, вдумчиво анализирует творчество Высоцкого-поэта, стремясь определить его место в культурно-историческом контексте эпохи. «Большое видится на расстоянии», и XXI век проясняет для нас истинный масштаб Высоцкого как художника. Он вырвался за пределы своего времени, и автору потребовалось пополнить книгу эссеистическими «вылетами», в которых Высоцкий творчески соотнесен с Пушкиным, Достоевским, Маяковским. Добавлены также «вылеты», в которых Высоцкий сопоставляется с Шукшиным, Окуджавой, Галичем. Завершается новая редакция книги эмоциональным финалом, в котором рассказано о лучших стихах и песнях, посвященных памяти «всемирного Володи».

ISBN 978-5-235-04632-0

© Новиков В. И., 2018, 2021

© ВЕБКНИГА, 2018, 2021

Содержание

От автора	6
Обратным счетом	8
Черновик личности	18
Начало карьеры	24
Первая песня	31
Люся	34
Чужой театр	37
Время взросления	40
Свой театр	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Новиков Высоцкий

*Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию...*

В. Кюхельбекер

Так и надо жить поэту.

А. Тарковский

© Новиков В. И., 2018, 2021

© Кууск М. Э., Девяткина Е. Л., именной указатель, 2013

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

От автора

Как и когда началась эта книга?

Может быть, в феврале 1967 года, когда, будучи студентом-филологом, я попал на концерт Высоцкого в Большой химической аудитории МГУ, после чего надолго погрузился в раздумья о новаторской нестандартности слова Высоцкого.

Или в 1982 году, когда в связи с выходом первого сборника поэта «Нерв» написал для «Нового мира» статью, дважды зарубленную цензурой.

Или в 1991 году, когда я выпустил литературоведческую книгу «В Союзе писателей не состоял... Писатель Владимир Высоцкий», где отстаивал мысль о том, что песенный мир опального барда – неотъемлемая часть русской поэзии.

Или в 1999 году, когда в воздухе уже начала носиться мысль о необходимости создания книги «Высоцкий» для серии «Жизнь замечательных людей». Не рано ли? Этот вопрос я задал двадцать пятого июля на Ваганьковском кладбище Вадиму Туманову. Когда мы потом пришли на Малую Грузинскую к Нине Максимовне, Вадим Иванович, поднимая поминальную рюмку, произнес: «Пора писать о Володе книгу в “ЖЗЛ”».

Нелегко было найти форму повествования. Мемуарная литература о Высоцком к тому времени уже была обширна, но слепо следовать за чужими рассказами не годится – надо, как советовал Тынянов, «продырявить документ», то есть выявить в нем внутренние противоречия, сравнить с другими «показаниями». А самой главной тайной оставались внутренняя жизнь Высоцкого, его творческая рефлексия, то глубоко интимное «чувство пути», которое, согласно Блоку, отличает истинного художника. Предстояло реконструировать, воссоздать внутренний мир Высоцкого как человека и художника, что невозможно сделать в рамках строгой научности.

Требовалось творческое решение. К тому времени у меня уже был некоторый опыт романиста, приобретенный в ходе написания книги «Роман с языком». И я решил строить повествование о Высоцком интроспективно, то есть не от имени некоего всеведущего автора, а от имени самого героя. Но не от первого лица, а, как говорят филологи, в форме несобственно прямой речи, когда голос автора и голос персонажа звучат в унисон. Прием непривычный. Но ведь именно так в своих песнях часто действовал сам Высоцкий, любивший «влезать в шкуру» самых разных людей.

Высоцкий в своей творческой судьбе двигался от актерства к писательству, от театра – к поэзии. А от стиха, подобно Пушкину и Пастернаку, шел к прозе. Хотел написать роман – не успел. Но успел прожить жизнь так, как надлежит подлинному романическому герою – стремительно и драматично. Поэтому свою книгу я рассматриваю как роман, написанный в соавторстве с героем. Хотелось, чтобы его неповторимый голос звучал не только в цитатах из песен и стихов, но и в самом тоне повествования. Стиль книги вобрал в себя речевые приемы Высоцкого, интонацию его устных выступлений перед аудиторией.

Главы из будущей книги предварительно печатались на страницах «Нового мира» – это была для меня своеобразная победа «высоцкого» дела. И конечно же оптимальной данью памяти Высоцкого стал выход его биографии в серии «Жизнь замечательных людей»: ведь тома из этой серии были в личной библиотеке поэта, марка «ЖЗЛ» пользовалась неизменным уважением в кругу его коллег и единомышленников.

Работая над книгой, я не был одинок, ощущал дружескую поддержку и специалистов по Высоцкому, и читателей, увлеченных его творчеством. Автор с благодарностью учел замечания докторов филологических наук Н. А. Богомолова и А. В. Кулагина, поэта Б. А. Кушнера.

Высоцкий вырвался за пределы своего времени, и автору книги потребовалось пополнить ее эссеистическими «вылетами», в которых Высоцкий творчески соотнесен с Пушкиным,

Достоевским, Маяковским. Добавлены также «вылеты», в которых Высоцкий сопоставляется с Шукшиным, Окуджавой, Галичем.

Обратным счетом

В феврале 1980 года мама вышла на пенсию, чаще стала бывать на Малой Грузинской.
– Привези мне в следующий раз фотографию мою, детскую, ту, что с кудрями. Ладно?
– Зачем, Володя?
– А так – поставлю и буду смотреть.

Встретился взглядом с нежным длинноволосым, белокурым мальчиком, одетым в костюмчик, похожий на девчачье платьице, и усаженным на валик большого кожаного дивана. Пацанчик доверчив и абсолютно беззащитен. Трудно с ним заговорить, почти невозможно вернуться теперь к своему началу. Сорок два года прожито без оглядки, всегда смотрел только вперед, а впереди была работа и работа. В ней он свою жизнь растворил без остатка.

Тридцать семь уже было Владимиру Высоцкому, когда он сочинил свою первую и, по сути, единственную песню о детстве, так и ту развернул как историческую балладу, где «я» постепенно переходит в «мы». А биографию свою начал не с дня рождения, а – в порядке мрачного гротеска – с «часа зачатия»:

Спасибо вам, святители,
Что плюнули да дунули,
Что вдруг мои родители
Зачать меня задумали —
В те времена укромные,
Теперь – почти былинные,
Когда срока огромные
Брели в этапы длинные...

Поколение, отмеченное знаком тридцать седьмого года, получившее жизнь тогда, когда ее отнимали у других...

В этом духе он и дату своего рождения обыграл:

Ходу, думушки резвые, ходу!
Слова, строченьки милые, слова!..
В первый раз получил я свободу
По указу от тридцать восьмого.

И надо же: находятся «знатоки», которые эти строки истолковывают в том смысле, что, дескать, в тридцать восьмом году Сталин запретил аборт и потому Высоцкий смог родиться. Ну вот уж нет: постановление об абортах вышло еще в тридцать шестом, а в песне слово «указ» означает всего лишь волю судьбы.

То, что он хотел здесь сказать, гораздо проще и в то же время глубже. Жизнь есть свобода по сравнению с небытием, и мыслящий человек всегда испытывает бесконечную благодарность родителям, оказавшим ему столь бесценную услугу. А уж как ты смог свободой распорядиться – это другой вопрос. Подлинная личность на девяносто процентов состоит из себя самой и максимум на десять сформирована так называемой средой. Глупо выглядят и те, кто гордится своим происхождением, и те, кто в зрелом возрасте сохраняет претензии к предкам, которые ему чего-то там недодали.

Да, так стало быть, двадцать пятого января, в девять часов сорок минут утра, в родильном доме, что под номером 61/2 по Третьей Мещанской улице (впоследствии – улица Щепкина), началась вся эта не такая уж длинная история. А первый адрес – Первая Мещанская, дом номер 126. Давненько в тех краях он не бывал – разве что на «мерседесе» проносился мимо по Суцевскому Валу между площадью Рижского вокзала и тем угловым зданием по проспекту Мира, 76 (так теперь на карте Москвы значится воспетый им «дом на Первой Мещанской, в конце»). Хорошо бы прийти туда пешком, прогуляться по двору... Может, что-то всплывет из самых из глубин.

Память у него всегда была цепкая и очень ранняя – себя начал осознавать лет с двух-трех. Это ведь еще до войны заходил он к соседям Климовым, чтобы, взобравшись на самшитовую табуретку, исполнить стихи про Ворошилова или «Однажды в студеную зимнюю пору...». «Р» и «л» не выговаривал, но не стеснялся картавить – не отсюда ли потом взялась повышенная любовь к раскатистым согласным?

Рая Климова и ее подружки смеялись, слыша: «Идет бичок, качается...», передразнивали: «Бичок, бичок». А еще вспоминается, как они обсуждают его длинные и густые ресницы. Три спички можно было положить, пытались и четвертую пристроить, пока мама не вступалась: «Девчонки, не издевайтесь!»...

Но предаваться долгим мемориям в последнее время всё было как-то недосуг, бывшее начало покрываться пеленой – и вдруг он почувствовал, что свежие воспоминания уже не приходят, что он видит свое прошлое как знакомый кинофильм, для которого когда-то сам собрал материал, сам снял нужное количество кадров, который сам смонтировал. Слишком профессиональной сделалась жизнь, и не осталось в ней места тем случайностям, что не вмещаются в биографическую концепцию, в легенду, которую он создал о себе. Создал в соавторстве с народом, говоря высоким слогом. Не только песни стали его жизнью, но и жизнь стала песней, принадлежащей теперь другим.

В его памяти родители всегда порознь, с самого начала. Голос слева, голос справа, а он сам где-то посередине – слушает, пока не понимая, но ощущая какой-то стереоэффект от этой разноголосицы. Так и привык с самого начала больше слушать, чем говорить. А потом вступать в разговоры уже с учетом услышанного и не для себя речь затевать, а для собеседников, число которых по ходу жизни постепенно росло.

Чтобы жить дальше, надо в себе разобраться. А для этого неплохо бы и своих родителей понять – не оценивая, чисто по-человечески. В начатом романе есть автобиографический герой – актер Александр Кулешов, еще не вполне отчетливо обрисованный. Когда придут силенки сесть за продолжение – непременно надо будет его происхождения коснуться. И совсем необязательно тут свое детство изображать, лучше напридумывать, но с полным пониманием собственного опыта.

Родители ему достались в общем нормальные. Пожалуй, оба отмеченные повышенной эмоциональностью, но без этого не сложился бы и его неумный темперамент, на котором всё держится. Они оказались людьми слишком разными, что не такая уж редкость, сходство натур встречается гораздо реже. Если бы браки заключались только между родственными душами, человеческий род давно бы иссяк. Что же до людей творческих, то они редко вырастают на идиллической почве, а чаще выводятся там, где есть дисгармония и разлад.

Мама, Нина Максимовна, в девичестве Серегина, родилась в 1912 году, москвичка. Ее отец, Максим Иванович, был швейцаром в гостинице «Фантазия», умер в 1934 году. Ее мать, Евдокия Андреевна, домохозяйка, умерла тремя годами раньше.

У мамы было две сестры – Надежда и Раиса и два брата – Сергей и Владимир. Раиса болела туберкулезом, прожила всего двадцать два года, недолгой была и жизнь Надежды, скончавшейся в 1941 году.

Оба брата были военными. Старший, Сергей, был летчиком-испытателем, до войны командовал эскадрильей в звании майора. Арестовали его в тридцать девятом – за то, что при аварийной посадке позаботился о спасении экипажа, а не о сохранности «материальной части». Осудили «за излишнюю гуманность», как рассказала мама. Умер он в 1964 году, а реабилитирован был только три года спустя: справку прислали Нине Максимовне. Справка на месте, а вот слово «реабилитация» в брежневскую эпоху сделалось немодным и вроде как неокончательным. Видеться с дядей довелось только в раннем детстве, от этих встреч остались в душе у племянника надрывное чувство и особенная любовь к имени Сергей. В студенческие годы пришел как-то в Вахтанговский театр на «Иркутскую историю», а там сверхположительного героя, которого играл Михаил Ульянов, звали Сергей Серегин – это ж надо, такое совпадение! Но драматург Арбузов, конечно, ничего такого в виду не имел, а вот Высоцкий потом кое-что имел в виду, называя летчика в своей песне Сергеем, а не как-либо иначе.

Младший брат матери, Владимир, был связистом, погиб на западной границе в начале войны. А году в тридцать шестом он привел как-то в гости к Серегиным на Первую Мещанскую своего товарища по техникуму связи Сеню Высоцкого, 1915 года рождения, киевлянина... Вскоре после свадьбы Семен Владимирович с Ниной Максимовной уехали в Новосибирск, а в Москву вернулись уже незадолго до рождения сына.

Маленьким он был очень похож на деда – тоже Владимира Семеновича Высоцкого, имевшего, как любил подчеркивать отец, аж три высших образования – юридическое, экономическое и химическое... Дед жил в Москве, воспитывал обоих сыновей – Семена и Алексея, бабушка оставалась в Киеве. Пожалуй, по этой линии унаследовал Владимир Семенович-младший любовь к точной информации и уважение к научным открытиям.

Да, если начать рисовать генеалогическое древо, никакой бумаги не хватит – такая сага о Высоцких и Серегиных получится... Почему советские писатели до уровня «Войны и мира» недотягивают? Потому что Болконских и Ростовых только с природы можно писать, только со своих собственных Волконских и Толстых. А нашего брата приучили всего бояться, стыдливо сообщать о себе «из служащих», стесняясь, что не «из рабочих», что ты не «гегемон» Шариков. Не говоря уже про национальные оттенки... Времени, наверное, хватит только на один роман, так что должны в том романе быть и «мысль семейная», и «мысль народная»...

Каковы были его первые слова? Мама рассказала, что заговорил он летом на даче, стоя на крыльце и тыча игрушечной щеткой в небо: «Вот она, луна» (он произносил: «люна»). Стало быть, сразу о высоком, и притом в рифму.

Общительным он был или одиноким? И то и другое одновременно. То тянуло в коридор поглядеть на соседей, то он надолго в своем углу комнаты погружался в возню с любимой лошадкой из папье-маше, с игрушечным гаражом и двумя машинками. Это он помнит сам, отсюда же пошли ключевые, можно сказать, образы его поэзии – многочисленные кони и автомобили.

Если же серьезно, то первое отчетливое и осмысленное воспоминание – проводы отца в действующую армию – назначен он был тогда заместителем командира батальона связи. Март сорок первого, Ржевский вокзал. Уютно устроился в купе с отцом и его сослуживцами: ну что, сейчас поедим? А его зовут погулять по перрону – и вдруг состав трогается, и отец машет из окна платком. От досады даже не было сил домой дойти – сосед дядя Миша нес на руках. А может быть, предчувствовал мальчик тогда, что на Первую Мещанскую отец уже не вернется. Вон он какой нежный и чувствительный с фотографии смотрит... Послевоенный распад семьи – случай типичный, что в той же «Балладе» отмечено и обобщено:

Возвращались отцы наши, братья
По домам – по своим да чужим...

Но это потом, а пока – воздушные тревоги по ночам. Бомбоубежище было на той стороне улицы. Быстро неслись туда, потом мама будила его, и он сквозь сон бормотал – опять же в рифму: «Отбой, пошли домой!» А после в коридоре пробовал свой уже хриловатый голосок: «Гр-раждане, воздушная тр-ревога!» И, как мама вспоминает, сирена начинала гудеть в тот же миг.

Ну и тушение зажигательных бомб на крышах – непременно занятие москвичей в ту пору. В Замоскворечье, над седьмым этажом писательского дома в Лаврушинском переулке заглядывает в бездну Борис Леонидович Пастернак:

Я любил искус бомбежек,
Хриплый вой сирен,
Ощетинившийся ежик
Улиц, крыш и стен.
.....
Чем я вознесен сегодня
До седьмых небес,
Точно вновь из преисподней
Я на крышу влез?

А ближе к северу столицы, на чердаке трехэтажного дома вместе со взрослыми соседями действует Вова Высоцкий:

Да не все то, что сверху, – от бога, —
И народ «зажигалки» тушил;
И как малая фронту подмога —
Мой песок и дырявый кувшин.

Мама еще до войны выучилась переводить с немецкого на русский и наоборот. Ее взяли на работу в Бюро транскрипции при Главном управлении геодезии и картографии СССР – делать карты для армии, передавая по-русски географические названия с иностранных образцов. Сына приходилось брать с собой на картографическую фабрику – это он помнит смутно.

А вот отъезд в эвакуацию – отчетливо. Собирались в Казань, а пришлось вместе с детским садом парфюмерной фабрики «Свобода» ехать в уральский городишко Бузулук. Шесть суток в дороге, причем детей из душных вагонов ни разу не выпускали. А потом на подводах до села Воронцовка, где их разместили по крестьянским избам. Такой была первая одиссея его жизни.

Два деревенских года, две свирепые зимы с пятидесятиградусными морозами и жуткими ветрами из памяти почти стерлись. Как работала мама по двенадцать часов на спиртзаводе имени Чапаева, как отогревались на печке – это он знает по ее рассказам.

Летом сорок третьего – блаженное возвращение в Москву, для этого потребовался официальный вызов Семена Владимировича. На сей раз добрались за два дня. Вот на платформе Казанского вокзала стоит отец в военной форме, и, углядев его через окно, сын кричит: «Папа!»

К тому времени Семен Владимирович уже был знаком с Евгенией Степановной Лихалатовой. Он тогда приезжал в Москву на службу в Главное управление связи Красной армии, а она работала в Главном управлении шоссейных дорог НКВД. И, получив новое назначение на

фронт, вернулся он потом уже к Евгении Степановне – в Большой Каретный переулок. Хотя официально родители развелись только в конце сорок шестого.

А когда появился в их с мамой комнате на Первой Мещанской дядя Жора по фамилии Бантыш? Неприятно вспоминать этого «злого гения», как называл он его позже, в подростковом возрасте. Такого не хочется даже вставлять в историю жизни своей... Молчи, память! Поставь-ка что-нибудь посветлее!

На Первой Мещанской много разного жило народу – где-то даже обитала бывшая владелица «Наталиса» – некоторые ее до сих пор называли «барыней» – со слепым мужем, игравшим на баяне. Были те, кто побогаче. Поповы, например, – дядя Жора (совсем другой!) и тетя Зина (та самая, у которой трофейная «кофточка с драконами и змеями») – у них и дача была, и машина. Или на втором этаже мамина подруга, врач-гинеколог – с телефоном и пианино. К ее Ирочке прямо на дом приходил учитель музыки. Сына Нины Максимовны там довольно радушно встречали, разрешали побренчать на инструменте.

Больше, конечно, бедных – особенно многодетных семей: где трое, где четверо, а у кого-то даже семеро – Калинкины, кажется, по фамилии. Высоцкие считались ни богатыми и ни бедными. Нина Максимовна всё время работала, немного помогал киевский свекор Владимир Семенович. Главное же – стиль жизни был аскетичный, но не лишенный эстетического начала. В комнате стояли старинный буфет, кушетка у стены, кресло-качалка. Со временем появилась ширма, делившая комнату пополам.

День рождения «Вовочки» отмечался неизменно, собирались все дети с третьего этажа, кое-кто и со второго приходил. Новогодняя елка в их комнате всегда стояла до двадцать пятого января. Подарки мама любила делать не только на день рождения. Как-то в день зарплаты принесла сыну пирожное, купленное в коммерческом магазине у Рижского вокзала (то есть до отмены карточек это было). Соседи ее дружно осудили за неразумную трату, а она им: «Очень хотелось его побаловать».

Ну, это уже где-то сорок шестой, а в сорок пятом была Победа. Настоящая, ее наглядное подтверждение – возвращение отцов. На вокзал бегали большой ватагой встречать поезда с солдатами. Первым вернулся дядя Вася – отец Тома Матвеевой. За ним и другие.

И еще в этом году он пошел в школу – это вот как раз ему не понравилось. Выстроили всех в зале, он был в синем свитерке и серых коротких штанишках (американские подарки советскому народу). Выкликают: «Высоцкий Владимир!» – и мама подталкивает его вперед. «Но сказали: “Владимир”, а я же – Вова...»

Училка оказалась вредная. Из-за какого-то пустяка однажды выгнала с урока да еще провозгласила громогласно: «Высоцкий в нашем классе больше не учится!» Ну а он не растерялся, собрал вещички – и в соседний класс. И там его приняла другая учительница – Татьяна Николаевна, молодая, красивая и к тому же фронтовичка с боевыми медалями.

Проучиться в школе № 273 Ростокинского района довелось всего полтора года. Отец получил назначение в Группу советских войск в Германии. К этому важному событию было приурочено всё остальное – развод родителей, новая женитьба Семена Владимировича.

Нина Максимовна по-своему счастлива с красавцем молдаванином Георгием Бантошем (Бантышем по документам). Он моложе ее на семь лет. Воевал, имеет два ордена Красной Звезды. Работает учителем английского языка. Выпивает. Уже поднимал руку на Вову.

Надо как-то выходить из положения.

Нина Максимовна советовалась с дедом Вовы Владимиром Семеновичем. Решено было, что пока мальчик поживет с отцом и Евгенией Степановной в городе Эберсвальде, где условно будут хорошие условия – жилищные и прочие.

Второе января 1947 года. За два часа до отъезда мама привела его в Большой Каретный переулок. Можно понять, каково ей было тогда. Несколько минут он, растерянный и одинокий, сидит на стуле, не доставая ногами до пола. Появляется Евгения Степановна – и первым делом кидается на кухню, чтобы приготовить ему яичницу. Еще была там ее племянница Лида, девушка веселая и открытая. Спросила: «Как тебя зовут?» – и он ответил: «Володя». Первый, кажется, раз не Вовой представился.

По тем временам попавшие в Восточную Германию военные и члены их семей были, в общем-то, счастливчиками. Ведь квартиру гвардии майор Высоцкий получил трехкомнатную – целый этаж двухэтажного домика, и у мальчика комната была своя, отдельная. Довольно оптимистично (и притом с полной раскованностью и откровенностью) извещал он маму о своем житье-бытье в письме от шестого февраля 1947 года:

«Здравствуй дорогая мамочка.

Живу хорошо, ем чего хочу. Мне купили новый костюм. Мне устроили именины, и у меня были 8 детей. Учусь играть на аккордеоне.

Занимаюсь плохо, в классной тетради по письму у меня 5 двоек, учительницу я не слушаю, пишу грязно и с ошибками. Таблицу умножения забыл. Дома занимаюсь с тетей Женей и поэтому в домашней тетради двоек нет. Папа меня за двойки и невнимательность ругает, говорит, что перестанет покупать подарки. Я тебе и папе обещаю учиться хорошо.

Целую тебя. Вова».

Нет, уж никак не сказал бы он, подобно Чехову, что в детстве у него не было детства. Чехов в Германию прибыл, чтобы умереть (в сорок четыре года? Значит, надо в восемьдесят втором эту фатальную цифру проскочить...), а Высоцкий вовремя туда заехал, чтобы вкусить безмятежного, почти дворянского детства. Два бесспорных аристократических атрибута у него были – велосипед и военная форма.

Ну, про роль велосипеда в жизни мальчишки объяснять никому не надо. Только почему он в Москву его назад не привез? Нельзя было? Говорят, подарил какому-то немецкому парнишке. С малолетней немчурой он водился, это точно, и даже балакал по-ихнему, но чтобы так взять и отдать велосипед – воистину нет на этом свете народа щедрее нашего!

А военная форма... Между прочим, самые большие франты – это даже не молодежь и не подростки, а дети младшего школьного возраста. Вот кто исключительное значение шмоткам придает, причем требования у них твердые и даже догматичные. На первом месте у этих малышей во все времена и у всех народов всегда стоял мундир – чтобы детского размера, но как у взрослых военных. Все принцы, наследники престолов так одевались. Кадеты, суворовцы – какую зависть они вызывали у ровесников! А в книге Катаева «Сын полка» самые запоминающиеся сцены – это как Ваня Солнцев встречает мальчика-кавалериста в бурке и с сабелькой и чуть не плачет от досады, а потом добивается, чтобы и ему артиллеристы справили обмундирование.

Вот тетя Женя ко Дню Победы и сшила ему китель со стоячим воротником, к которому белый подворотничок был подшит, и темно-синие широленные брюки-галифе. Всё из настоящего военного материала. А сапоги-бульдоги, такие же, как у отца, ездила заказывать в Берлин. Между прочим, рисковала: без служебной необходимости из Эберсвальде в другие немецкие города отлучаться не разрешалось.

Двадцать восемь лет было тете Жене в ту пору, всего. Много лет спустя он узнал, что еще до встречи с Семеном Владимировичем она в юные годы дважды побывала замужем, что первый муж, летчик, погиб в самом начале войны, а второго, инженера, у которого она поселилась в той самой комнате в Большом Каретном, в сорок втором унес несчастный случай. Почему

своих детей ей не удалось завести (а уж в Германии для этого была самая подходящая обстановка) – неизвестно. Мудрые люди знают, что самая глубокая доброта имеет своим источником страдание. Дозу такой доброты и получил Высоцкий в самом восприимчивом возрасте.

За фортепьяно он с учительницей провел немало часов – полезно было в воспитательном смысле (хоть минимальное усердие, «прилежание» выработалось), да и для профессии потом пригодилось. По-немецки неплохо наблатыкался, жаль, что отношение к языку было как к «вражескому» и в Москве потом все позабыл, порастерял. Курить и пить никто не учил, что тоже в плюс по сравнению с московской «школой жизни»...

Часто встречались с дядей Алешей – братом отца, служившим неподалеку, – и его женой Шурой. Ездили на курорт – в санаторий «Бад Эльстер». А в сорок восьмом с тетей Женей и Лидой они были в Баку. Там уж он отличился перед местной детворой: рассказывал им, как воевал в Германии и одного фашиста убил, вот этими самыми руками. Тетя Женя услышала, стала его спрашивать, что за рассказы такие. А он ей: «Зато как внимательно слушают!» Вот какой был у него первый опыт литературного вымысла и актерского перевоплощения...

В августе сорок девятого отца перевели в Северо-Кавказский военный округ, потом в Киевский. В конце сентября и Володя с Евгенией Степановной отбыли из Германии. Ехали в Москву в эшелоне почти неделю, и притом целый вагон имели в распоряжении. Тетя Женя отправилась как-то за кипятком, поезд тронулся, и она побежала по перрону, а он отчаянно закричал из окна: «Мамочка!» Успела она заскочить в тамбур соседнего вагона. А потом ему в Москве объяснила: «У тебя одна мама – Нина Максимовна, а я – жена твоего папы». Он, как ему потом рассказали, отпарировал так: «У меня три бабушки, так почему не может быть две мамы?» Бабушек он столько насчитал потому, что как-то летом на даче под Киевом с ними были и мать отца – Дарья Алексеевна, и мать Евгении Степановны. В общем, как говорится: устами младенца...

В Большом Каретном четырехкомнатная квартира номер четыре была поделена между тремя «ответственными съемщиками» и у Высоцких была всего одна комната. Но по возвращении из Германии соседи Петровские, бездетная чета, одну из своих двух комнат им уступили – просто так, из симпатии к тете Жене. С октября сорок девятого года начинается большой жизненный период, обозначенный словами «Большой Каретный».

Двор Большого Каретного принял его надлежащим образом – поколотили. Но он им не спустил – привел своих, с Первой Мещанской. Был бой. После этого почувствовал себя своим и на новом месте. Некоторое время приятели у него были и там и там, жил как бы на два дома. На Первой Мещанской мальчики и с девочками уже начинали дружить. Девочки говорили: такой-то за мной ударяет. А пацаны: такая-то за мной бегаёт. Он пока ни за кем не ударял, да и за ним не бегали, маленьким считали – может быть, из-за роста.

Мужская дружба для него была важнее. Когда Вовчик Попов стал ухаживать за Зоей Федоровой (та постарше их была года на два), Высоцкий взялся быть почтальоном: носил Зое записки, вложенные в книгу, и добивался ответа: «Напиши, что ты его любишь... Ну, хоть слово “да” напиши». Смешно теперь вспомнить, но было такое.

А еще ходили всей компанией на Пятницкое кладбище, где могилы деда и бабки Сергиных, да и у каждого кто-то из родных похоронен был. Но кладбище для них было и парком: цвела сирень, тут и там мелькали парочки...

В пятом классе «Е» 186-й мужской средней школы Коминтерновского района его поначалу встретили по одежке: увидев оранжевую замшевую куртку, моментально окрестили «американцем», чем довели до слез. Очень просил дома, чтобы его одели, «как всех». Это ведь потом уже стала молодежь выбираться из черно-серого стандарта, стараться выделиться, и так называемые «стиляги» были счастливы по ошибке быть принятыми за американцев.

Подружился с Володей Акимовым. Целые дни проводили на углу Цветного бульвара и Садовой-Самотечной. Внимали рассказам инвалидов, сами начинали травить какие-то истории, смешивая услышанное с выдумкой. Почему-то врезался в память момент, когда они ели арбуз, целый арбуз на двоих. Потом все время вспоминали, когда это было. Год был сорок девятый, а дату определили как девятнадцатое октября. Пушкинский, лицейский миф прочно сидел в сознании.

А случай со взрывом был в классе примерно седьмом. Это когда с Акимовым и другими ребятами поехали за Яхрому купаться. Нашли ящик со снарядами для гаубицы. У него-то самого уже был опыт – там, в Германии, когда волосы и брови обжег. Уговорил друзей не развинчивать, но все-таки в костер пару штук положили и неподалеку спрятались. Вскоре жакнуло – и откос, на котором они сидели, стал съезжать в воду. Довольны были до одурения. А когда через неделю туда приехали, столкнулись с военным патрулем: за час до того четверо подростков погибли, подорвавшись на mine. Да, в игру со смертью мы с детства включаемся...

То же и с похоронами Сталина. Пошли бы с Акимовым к Колонному залу в первый день – могли бы пополнить ряды задавленных в толпе. А они только на второй и третий день пробрались сквозь оцепления, через проходные дворы. Дважды попрощались с гением всех времен, но, конечно, не рыдали. Что испытывал он тогда на самом деле, теперь не понять.

И стишки ведь еще сочинил. У мамы наверняка хранятся. Надо бы посмотреть да и уничтожить, а то чего доброго опубликуют посмертно. Возьмут да и откроют книгу Высоцкого произведением «Моя клятва»:

Опоясана трауром лент,
Погрузилась в молчанье Москва,
Глубока ее скорбь о вожде,
Сердце болью сжимает тоска.

Графомания чистой воды. И по форме, и по содержанию. Неосознанная пародия. Где-то он читал – или слышал от кого-то, что смерть знаменитого человека – будь то гений или злодей, Пушкин с Байроном или Ленин со Сталиным, – всегда вызывает поток графоманских виршей. Когда человеку хочется сочинять, а сказать нечего, мыслей в голове ноль, – он так и ждет повода, чтобы излить свою бездарность. А вот так помрешь – и пойдут тоже тебя оплакивать рифмами «Москва» – «тоска»! И не запретишь никому этого делать... Так что, ребята, лучше еще поживем!

Компания их тогдашняя была по духу совсем не «советской». Никакой комсомольской пошлости не было в их разговорах, карьеристских мечтаний тоже. Политика была как бы сбоку, параллельно основному течению жизни. А общими идеалами были романтика и артистизм. Ну и возрастной авантюризм, естественно. Вальтер Скотт, Майн Рид – такие были кумиры и ориентиры. Собирались у Акимова, в его огромной комнате. Кохановский, Безродный, Горховер, Малюкин, Свицерский, Хмара, Эгинбург. Какой-то устав сочиняли, записывали даты своих встреч. Питались кабачковой икрой, луком с черным хлебом.

Сад «Эрмитаж» с Летним театром. Кого они там только не перевидели и не переслушали! Утесов, Шульженко, Эдди Рознер, Райкин, Миронова с Менакером... Зарубежные гастролеры – от польского джаза до чуда тех лет – перуанки Имы Сумак с голосом на четыре октавы. Сколько способов бесплатного прохода было ими изобретено! Сам он придумал для себя роль дебила – идет с выпученными глазами, с перекошенным ртом и вместо «здравствуйте» – «дагуйте!». Ну кто же станет обижать убогого – пускали без билета.

Толя Утевский был на четыре года старше – он уже учился на юридическом, когда они еще в школу ходили. Это у него Высоцкий тогда встретился с актером Сабининым, а тот

сосватал его в театральный кружок Владимира Николаевича Богомолова. Туда, на Горького, 46, он приходил, испытывая такой трепет, какого уже не вызывала потом профессиональная работа. Предвкушение чуда – чувство абсолютно светлое, наивно-эгоистичное, еще не отягченное мукой духовного усилия. Как на уроке химии, соединив жидкости из двух пробирок, видишь в колбе новый цвет, – так и здесь, впервые добыв вещество театральности, соткав кусочек магии, переживаешь ни с чем не сравнимое изумление. Оно никогда не вернется, но след оставляет на всю жизнь.

Утевский водился слевой Кочаряном, который впервые появился на Большом Каретном году примерно в пятьдесят первом: привела его к Высоцким, судя по всему, Элеонора Сарнова, его однокурсница и племянница Евгении Степановны. А потом, в пятьдесят восьмом, он поселился в этом подъезде, женившись на Инне Крижевской. Постепенно школьная компания влилась в кочаряновскую, более взрослую, ироничную, раскованную. Здесь потом его поддерживали в стремлении стать артистом, здесь поняли и приняли его ранние песни.

Первое публичное выступление – на вечере в соседней школе, 187-й, женской. Было это в начале ноября пятьдесят четвертого. Не нашел Высоцкий ничего лучшего, чем прочесть со сцены какую-то народную пародию на басню Крылова. Ему самому этот опус про муху, медведя и охотника казался ужасно смешным, а вышел в итоге скандал, и вlepили артисту тройку по поведению за четверть. Юмор вообще вещь опасная, многие могут принять его на свой счет, а власть имущие всегда боятся скрытого политического подтекста. Не внял он тогда предупреждению, так и продолжал с шуткой по жизни шагать. В итоге выше тройки по поведению не имел никогда.

Первая гитара была подарена мамой на семнадцатилетие. Кохановский, считавшийся у них опытным виртуозом, научил простейшим аккордам. А весной пятьдесят пятого Высоцкий переехал с Большого Каретного на Первую Мещанскую. Старый дом снесли и жильцов переселили в отстроенный рядом новый, многоэтажный, за номером семьдесят шесть. Мама и Гися Моисеевна с сыном Мишей получили трехкомнатную квартиру на две семьи.

Вот и кончаются школьные годы... Получен аттестат зрелости: пять пятерок (литература, естествознание, всеобщая история, география и Конституция СССР), остальные – четверки. Заговорил было с родителями о поступлении в театральный, однако отец энергично настаивал на «механическом вузе». Дед, Владимир Семенович, немало привел примеров, когда успехов в театральном искусстве добились люди с жизненным опытом, с солидной профессией. Надежнее иметь подстраховку, твердый заработок, а потом уже пускаться в мир грез.

По школам рассылали пригласительные билеты на день открытых дверей. Они с Васечком (Кохановским то есть) решили пойти туда, откуда билет придет самый красивый. На этом конкурсе красоты победил МИСИ – инженерно-строительный институт. У Кохановского к тому же был первый разряд по хоккею с шайбой, что открывало ему все двери, причем даже «с другом пополам». И темы сочинений им потихоньку сообщили, так что весь набор штампов про «Обломова и обломовщину» на экзамене они изобразили аккуратным почерком и без ошибок.

Про строительный институт вспомнить особо нечего. Разве что поездку «на картошку». В колхозе он развлекал однокурсников «огнем неожиданных эпиграмм» и еще на лошади научился ездить, хотя и без седла. А что учиться в этом вузе он не сможет – понял задолго до того, как настал «час расплаты», то есть время зачетов и экзаменов.

Что он тогда думал? Да он и думать-то еще не умел. Просто судьба взяла за шкуру, усадила в пустую аудиторию и продиктовала заявление, которое он тут же отнес в деканат и положил на стол секретарше. Уже на следующий день, двадцать четвертого декабря, вышел приказ об отчислении по собственному желанию: кто там будет разбираться! Первокурсники

под Новый год пачками уходили, пачками их и оформляли. За документами он придет как-нибудь попозже, а пока надо свой уход оформить художественно, театрально.

Третьего января был назначен не то экзамен, не то зачет по черчению, и они с Кохановским давно уже договорились, что вместо встречи Нового года засядут на Первой Мещанской наверстывать невыполненные задания. Неудобно было сразу огорошить друга новостью, пришлось пожертвовать праздником и немного еще потянуть резину.

Встретились, положили с разных сторон стола доски чертежные, надулись крепкого кофе... Кохановский круто взялся за дело, а напарник его – естественно, с прохладцей, для блезиру что-то там на ватмане калякал. Во втором часу перекурили и поменялись сторонами стола, чтобы посмотреть на труды друг друга. Гарик захохотал, увидев абракадабру, и тогда Высоцкий взял кофейник и залил остававшейся на дне коричневой жижей всю свою инженерную деятельность:

– Хватит! В этом институте я больше не учусь!

Из соседней комнаты мама пришла – и восторга никакого не выказала. Были еще потом какие-то душеспасительные разговоры с дедом, с деканом, упиравшим на «явные способности» Высоцкого к математике. Но, честно говоря, человек, начисто лишенный математических способностей, – это просто дурак, дуб! Математика важна в любом деле, она и в творческой работе необходима. Рассчитать, сколько должно быть стрóf в стихотворении, куплетов в песне, с чего начать, чем закончить – это тоже математика, только даже не высшая, а сверхвысшая, потому что в ней еще и душа участвует – во всю свою бесконечную глубину.

Безошибочный интуитивный выбор из множества вариантов – вот важнейшее действие, математическое и жизненное! От него тогда и получился Высоцкий – в начале знакового для страны 1956 года. С этого поворотного пункта он за всё отвечает сам.

Черновик личности

Полковнику С. В. Высоцкому художества сына пришлось явно не по вкусу. И сын, чтобы избежать малоприятных объяснений, перешел почти на подпольное положение – жил то у Толяна Утевского, то у Левы Кочаряна.

Вообще-то по-своему правы все родители, когда они чинят своим отпрыскам препятствия на пути в искусство. И дело тут не только в житейских расчетах: мол, чем журавль славы в небе, лучше синица надежной профессии в руках. Чувствуют мамы и папы, догадываются на подсознательном уровне, что «служенье муз» гарантирует чадам только одно – вечное страдание.

Причем материальные лишения – это еще первый круг творческого ада. К ним человек может привыкнуть и приспособиться. За ними следуют муки честолюбия: дадут или не дадут роль, будет ли успех и прочее. Видели ли вы когда-нибудь артиста, удовлетворенного достигнутым престижем и положением в обществе? То-то и оно. Но опять-таки это еще не такое уж и пекло. Самое страшное начинается, когда у человека обнаруживается настоящий талант.

Талант называют «даром Божиим», не задумываясь о том, во что этот дар обходится, не учитывая внутренней биологии одаренной личности. Живя внутри человека, талант требует пищи, нуждается в непрерывном развитии, применении и расширении сферы деятельности. Если этой пищи он получает мало, то незамедлительно начинает поедать своего носителя. Самое яркое художественное определение таланта – «уголь, пылающий огнем». Но если обладатель дара лишен возможности «глаголом жечь сердца людей», то он воспламеняется сам и довольно часто сгорает дотла, не успев реализоваться.

Но и в случае успешного в целом развития талантливый художник, как правило, лишен жизненной гармонии. Носить в себе «уголь» при нормальной температуре души и тела невозможно. Нормой становятся постоянный накал, ежедневное и неизбывное страдание. Этого никогда по-настоящему не поймут и потребители искусства (зрители, читатели), и не обремененные большими талантами коллеги по творческому цеху. Речь не о бездарях (таковые проникают в храм Аполлона только по недоразумению или «левыми» путями), а о людях «со способностями», составляющих статистическое большинство творческой среды, ее протоплазму. Не будь этих средних тружеников, не работали бы театры, не играли бы оркестры, не выходили бы литературные журналы. Талантам, естественно, приходится сотрудничать со своими менее одаренными товарищами, но природный антагонизм между ними неизбежен. Еще сильнее противостояние между талантом и талантом: даже взаимодействуя, учась друг у друга, они вынуждены эмоционально размежевываться, чтобы каждый смог полностью развернуть диапазон своего индивидуального дара.

Еще одно важное разграничение. Мучаются на сцене (и за письменным столом) все, но по-разному. У обладателя средних способностей болят только амбиция, а у одаренного художника болят и амбиция (в этом отношении он похож на всех), и талант. Боль таланта – самая мучительная, и нет от нее никакой анестезии. Лавры, похвалы, злато врачуют амбицию, но не талант, являющийся в каком-то смысле неизлечимым недугом.

В общем, чем дальше в лес, тем больше дров. Чем самостоятельнее и оригинальнее путь личности в искусстве, чем успешнее он в высшем смысле, тем он мучительнее и жертвеннее. Так что в известной мере счастливы те, кто выбывает из рядов служителей Мельпомены после первого же тура творческого конкурса. Их жертва искусству оказывается минимальной и самой безвредной для душевного здоровья.

Есть такая легенда сравнительно недавнего времени – о том, как знаменитый театральный режиссер впервые встретился с «большим человеком», долгие годы возглавлявшим КГБ, а затем, перед самой своей кончиной, постоявшим даже около года во главе КПСС и Советского

государства. И что же? Сей деятель первым делом начал благодарить режиссера за то, что тот не принял в свой знаменитый, хотя официально и не признанный театр его сына и дочь, рвавшихся на сцену. Были ли у этих номенклатурных детишек природные актерские данные? Да какое это имеет значение! Заботливый папаша прежде всего желал оградить их от того, что Некрасов называл «пыткой творческого духа», а эта штука посильнее, чем пытки в лубяньских подвалах! И ведь заметьте: и от нищеты, и от карьерных сложностей мог он защитить их без труда: устроить на работу хоть во МХАТ, даже обеспечить званиями «заслуженных артистов», но...

Но здесь мы немного забежали вперед, вернемся к Владимиру Высоцкому, который с января пятьдесят шестого года снова посещает кружок Богомолова, где ставится спектакль «Трудовой хлеб» по Островскому. Для экзамена Владимир Николаевич советует ему готовить что-нибудь из Маяковского – скажем, монолог из «Клопа». Маяковским актерская память Высоцкого набита до отказа – очень уж хороши стихи этого автора для работы голоса! На Пушкине и Лермонтове так не разгуляешься. Вот три строки, одного, казалось бы, размера: «Когда не в шутку занемог», «В тумане моря голубом», «Светить – и никаких гвоздей!». Первые две лучше всего произнести ровно, паузы и логические ударения будут манерностью. А «маяковскую» строчку никак не прочитаешь монотонно, смысл будет не тот. Здесь стих уступами идет, преодолевая преграды. И голос Высоцкого чем-то похож на голос Владимира Владимировича, пробивающийся сквозь свист старой звукозаписи...

Но кое-кто считает, что слишком хрипло Высоцкий звучит. Нина Максимовна, услышав такие закулисные слухи, даже сводила сына к одной врачихе, дочери знаменитого отоларинголога. Ничего, та сказала, голосовые связки в полном порядке. Написала справку, что со временем голос изменится, что его можно поставить. Может быть, стоит самому потренироваться, очистить горло от хрипа? Но как-то не хочется опускаться до стандартного, на всех похожего тембра.

В июне, пройдя конкурс и сдав экзамены, Высоцкий поступает в Школу-студию МХАТ. Много в Москве театральных вузов: ГИТИС, Щукинское училище при Вахтанговском театре (в просторечии – «Щука»), Щепкинское при Малом («Щепка»).... Но МХАТ – это фирма, это классический вариант. На уровне ремесла полезно овладеть традицией, а потом – твори, выдумывай, пробуй, если у тебя фантазия имеется. Тот же Маяковский, сидя по молодому делу в Бутырьках, сочинял вполне классические стихи, а потом уже разошелся: «Багровый и белый отброшен и скомкан...» Или Малевич, который, прежде чем ошарашить мир «Черным квадратом», в совершенстве овладел техникой традиционного портрета и пейзажа. А актер для начала должен научиться красиво говорить, ходить, держаться с достоинством.

«Мхатовский говорочек», как его Маяковский называл, – это русский язык в идеальном виде. Здесь учат не глотать звуки, не злоупотреблять всякими небрежными «шас» и «скоко», твердо произносить «с» в словах «боюсь», «боялся», читать по-старинному: «Белеет парус одинокий» и фамилии подавать красиво: «Маяковский», «Высоцкий». Конечно, не везде такая речь уместна, но владеть ею – роскошь. Аристократизм – это не жесткий стандарт, это способ проявить индивидуальность. Преподавательница манер Елизавета Георгиевна Волконская сразу сказала: «Володя, не пытайтесь делать из себя графа, постарайтесь стать Высоцким, может быть, тогда у вас и появится благородство». Сама-то, между прочим, сидит нога на ногу, в зубах папироска – и притом аристократично!

В группе Бориса Ильича Вершилова вместе с Высоцким постигают азы мастерства Роман Вильдан, Жора Епифанцев, Валя Никулин, Гена Ялович, Марина Добровольская, Аза Лихитченко. Все с гонором, с серьезными намерениями. Ялович затевает подготовку капустника, расспрашивает, кто что может показать. Епифанцеву как начинающему стихотворцу поручается написать песню о театре, о системе Станиславского, а Высоцкому как немножко «бацающему» на фортепьяно – подобрать музыку. Ну, мелодию решили взять из популярной тогда

песни «Одесский порт» (где, в частности, есть слова: «Мне бить китов у кромки льдов, рыбьим жиром детей обеспечивать» и последние строки такие: «Пройдут года, но никогда это чувство к тебе не изменится»), а с текстом как-то дело не шло. Зашли в сад «Эрмитаж», вдохновились бутылкой пива на двоих (больше денег просто не было), и вдруг Высоцкий, взяв у Жоры листок со следами творческих мук, в момент набрасывает:

Среди планет, среди комет
Улетаем на крыльях фантазии
К другим векам, материкам,
К межпланетным Европам и Азиям.
Ведь скоро будут корабли
Бороздить океаны те вечные,
Чтобы системой мы могли
Межпланетных людей обеспечивать.
Коль будет жизнь среди миров,
Без актеров она не получится.
Актеры все, из всех веков
У системы искусству научатся.
Мы можем все предугадать,
Что задумано, это все сбудется!
Пройдут года, но никогда
Станиславского труд не забудется!

Это не Пушкин, конечно, но Епифанцеву, ошеломленному скоростью стихосложения, остается только произнести: «Володя, да ты же гениальный поэт!» Такие слова некогда Давид Бурлюк адресовал Маяковскому – неподалеку отсюда это было, на Сретенском бульваре. Капустник потом прошел на ура, Высоцкому отныне постоянно заказывают сочинение пародий, эпиграмм, посвящений.

После внезапной смерти Вершилова его группу принимают Александр Михайлович Комиссаров и Павел Владимирович Массальский. Солидность не мешает мхатовским мэтрам неформально встречаться с молодежью, прививая ей навыки застольной культуры. Случаются совместные вечеринки, порой в увешанном мемориальными досками мхатовском доме на улице Немировича-Данченко.

Кажется, именно на одной из таких встреч, осенью, неотразимое впечатление на Высоцкого производит Иза Жукова, студентка третьего курса, недавно вернувшегося из поездки на целину. В спектакле третьекурсников по пьесе Штейна «Гостиница “Астория”» и у Высоцкого есть роль, только без слов, и изящная Иза на мальчика пока внимания не обращала. Теперь появляется шанс. Когда гости начинают расходиться и один педагог уговаривает Изу вместе с ее подругой поехать к его тетке (какая тетка в такое время!), Высоцкий с необычайной властью берет приглянувшуюся девушку за палец и уводит. Она пока не в восторге от его активности, но позволяет проводить до общежития на Трифоновской. По дороге он узнает, что Иза родом из Горького, училась в хореографическом училище и чуть-чуть не стала балериной. Уже побывала замужем, прямо со школьной скамьи, да и сейчас не совсем чтобы в разводе: муж, авиационный техник, служит где-то в Таллине.

С девочками, именно девочками, хотя и весьма легкомысленными, уже немало встреч было у Высоцкого, а тут – женщина, очень молодая, но такая взрослая по сравнению с ним. У него все так просто, все наружу, а в ней – что-то таинственное, необъяснимое... И вкусы у них разные. Смотрели вместе спектакли нового театра-студии «Современник»: «Два цвета»,

«Голый король». Изе не понравилось: слишком много эпатажа, вызова. А он, пожалуй, не отказался бы работать в таком озорном театре.

Осенью пятьдесят седьмого он приводит ее на Первую Мещанскую, знакомит с мамой, с Гисей Моисеевной, и они поселяются в третьей, общей комнате, где большая кровать отгорожена ширмой. Вот что такое «счастье в личной жизни»... Не больше, но и не меньше.

Лучшее время – утреннее, когда уже ушли на работу и мама, и «этот кретин» (так Высоцкий теперь мысленно, а иногда и вслух называет Жору), и сосед Миша Яковлев. Изуля выходит из ванной, наклоняется над спящим мужем, щекочет длинными рыжими волосами: «Волк! Проснись!»... А потом – скорее на троллейбус и в студию.

Слова «семья» в языке Высоцкого пока нет, ему больше по душе слово «компания». Большой Каретный по-прежнему притягивает как магнит. Здесь несравненно выше театра ценится кинематограф. И в Школе-студии многие бредят «важнейшим из искусств». Жору Елифанцева прославленный режиссер Марк Донской пригласил на роль Фомы Гордеева в своем фильме – это нечто! У Жоры фактура, конечно, выгодная, эффектная – могучий русский мужик. А Высоцкого пока киношники вниманием не балуют. Ходил на фотопробы к фильму «Над Тиссой» (детектив про шпионов, в «Пионерской правде» из номера в номер печатался) – никаких последствий. Была еще встреча с Борисом Барнетом, набравшим себе студентов для эпизодов нового фильма. Барнет в первую очередь известен тем, что поставил легендарный «Подвиг разведчика» с Кадочниковым, а настоящие ценители говорят, что главный его творческий подвиг – это фильм «Окраина» начала тридцатых годов, где молодой режиссер выходил на мировой уровень и обещал стать вторым Эйзенштейном. Ну и что получилось? Рассказывали потом: Барнет, дескать, сказал, что самый интересный из юных актеров – это тот невысокий паренек, который сидел в углу и молчал. Но ассистенты режиссера этому высказыванию значения не придали, и встреча обернулась невстречей, говоря ахматовско-цветаевским языком. А случись по-иному, могла вся судьба актерская поехать по совсем другим рельсам...

Любимый предмет Высоцкого в Школе-студии – литература. На удивление остальным он увлекается античной словесностью, а в древнегреческую мифологию впился с детским азартом. Имена-то какие: Кассандра, Пандора, Ариадна – каждое звучит как песня, как загадка. С русской литературой крупно повезло: ее преподает Андрей Донатович Синявский – сравнительно молодой доцент, бородатый, с неуловимым взглядом, то и дело косящим в неведомую сторону. В его лекциях – ни малейшего пафоса, никакой почтительности по отношению к классикам. С Пушкиным, Гоголем, Маяковским и Пастернаком – абсолютно на дружеской ноге, говорит о них как равный. И на литературу смотрит исключительно с точки зрения ее артистизма, художества. «Крепостное право», «лишние люди», «типичные представители» дворянства или народа – без всех этих штампов, оказывается, можно отлично обойтись! Надо на каждое произведение смотреть так, как будто ты его сам сочинил, – и тогда всё сразу станет понятно...

Для Синявского нет различия между преподаванием и разговором о литературе на уровне дружеской беседы. Студенты часто заходят к нему домой, где Синявский и его жена Маша с удовольствием слушают всю ерунду, которую несет молодежь. Высоцкий поет им цыганские песни, имитирует Чарли Чаплина и Ива Монтана. А когда они с Яловичем стали блатные песни выдавать, Андрей Донатович начал их записывать на недавно купленный магнитофон. Этот фольклор, говорит, – источник самой высокой поэзии. Блок вышел из цыганщины и из городского романса. А из книжек ничего нового не рождается, новое приходит с улицы, с низов, из устной речи.

Еще что важно: Синявский не проводит резкой границы между классикой и литературой нынешней. Современной поэзией очень интересуется, причем довольно прохладно относится к Евтушенке и Рождественскому – не осуждает, а просто отмалчивается, когда о них речь захо-

дит. А вот кого настоящим поэтом считает – так это Окуджаву. С виду, говорит, эти песенки просты, язык незамысловатый, но гамма эмоций очень богатая.

Про Окуджаву Высоцкому было известно весьма приблизительно. Откуда он, какого возраста, на «о» его фамилия начинается или на «а»... Просто слово такое – «Окуджава», звучащее в одном ряду с сочетаниями «последний троллейбус» и «дежурный по апрелю». Те, кто с ним знаком, кому он свои песни на магнитофон напел, называют его просто Булат. Обещали как-то Высоцкого сводить на квартиру, где этот Булат будет петь.

Но вот выступление Окуджавы устраивают в Школе-студии. Скромно, в простой аудитории. Нормальный грузин московского разлива, худощавый, с усиками, в буклистом пиджаке, почти как у Высоцкого, в клетчатой ковбойке. Очень был сдержан, говорил мало. Сказал, что пишет стихи, вышла у него книга в Калуге, скоро выйдет и в Москве. То, что он поет, – это тоже стихи, только положенные на мелодию, музыкой он это не считает. Ну, насчет мелодий он, пожалуй, скромничает, они у него довольно запоминающиеся, а гитарист он весьма безыскусный. Оказалось, что Окуджаве принадлежат и «Ванька Морозов», и «А мы швейцару: “Отворите двери!”», и «Девочка плачет: шарик улетел...» – многие держали эти песни за «народные». И всё это он не исполняет, а как бы рассказывает, беседует со всеми собравшимися.

И сказать после этих песен нечего, здорово – и всё тут! Вышли с Изой на улицу Горького, и улица вся переменялась. И Центральный телеграф по-новому засветился, и пешеходы как будто красивее стали, и каждый троллейбус действительно плывет, как корабль. Иза произнесла что-то скептическое – насчет банальности и сентиментальности «этих песенок», он спорить не стал, но почувствовал, что песенки эти еще сыграют роль в его собственной судьбе.

Снова решил поучиться гитарному искусству и прямо на следующий день упросил Романа Вильдана преподавать ему ряд уроков, утаив по скромности, что уже учился у Кохановского. Что ж, основными аккордами овладел он теперь, пожалуй, не хуже, чем Окуджава. Вот если бы еще и сочинить что-нибудь на уровне этого скромника...

У Изы между тем наступило время дипломного спектакля. Распределение она получает в Киевский театр имени Леси Украинки. А летом шлет родным телеграмму о том, что приезжает в Горький «с новым мужем».

По приезде новому мужу приходится поселиться на дебаркадере, сняв там каюту: дома у новых родственников слишком тесно. Зато можно почувствовать себя настоящим моряком. Объявился Жора Епифанцев, который снимается в «Фоме Гордееве» по месту жительства героя и автора. Вдвоем с Высоцким они берутся переплыть Волгу. До берега добрались, только здорово снесло течением: возвращались на пароме, а Иза в это время извелась в ожидании, да еще сестра Наташка ей все время твердила: «Пошли домой, они, наверное, утонули».

Он проводил Изу в Киев, а сам вернулся в Москву и по вечерам коротает время то в Большом Каретном, то в общежитии на Трифоновке, сидя в комнате у Романа Вильдана. Романа в свою очередь он часто приглашает на Первую Мещанскую, чтобы напоить чайком, накормить по-человечески. Иной раз организует доставку горячей пищи на дом: Нина Максимовна нажарит картошки, а он целую сковороду тащит на Трифоновку ребятам: расстояние невелико, и картошка не успеет остыть...

Вильдан теперь – Раскольников, а Высоцкий – Порфирий Петрович. В сцене из «Преступления и наказания», которую на их курсе поставил Виктор Сергачев. Играли они эту сцену и в Музее Достоевского, притом с успехом. Обнаружилось, что Высоцкий умеет не только смешить и передразнивать, годится он и для психологического театра. Роль Порфирия дьявольски интересна и глубока. Это и обвинитель и защитник в одном лице. Он способен каждого человека понять как самого себя, влезть в шкуру того же Раскольникова. В этом смысле он умнее его, потому что тот весь умещается в рамках своего сознания. Когда еще такая роль будет у Высоцкого?

В начале года пятьдесят девятого у Высоцкого наконец дебют в кино. Видели картину Василия Ордынского «Сверстницы»? Злободневный фильм о молодежи, о борьбе со стилистами, о студентах театрального вуза. Главная героиня разочаровывается в своем таланте и переходит в медицинский институт. Люда Крылова там играет, Лида Федосеева. Всеволод Сафонов в роли аморального соблазнителя. А еще там есть персонаж по имени Петя, он ненадолго появляется и задает один вопрос: «Ну как там дела?» В роли Пети – Владимир Высоцкий. Не обратили внимания? Ничего, еще обратите!

Ездил он в Киев к Изе. Пробрался тайком на репетицию «Дяди Вани», где Иза Соню играет. Режиссер Романов – со странностями, не выносит посторонних в зале. Вдруг замечает он незваного гостя в бельэтаже и грозно вопрошает:

– Кто там?

А оттуда ответ:

– Пока – никто.

Ответ оригинальный. Он напоминает одну дискуссию в самом начале двадцатых годов. Речь шла о командарме, имевшем два ордена Красного Знамени. Говорилось, что таких, как он, всего двадцать человек. Присутствовавший при этом Маяковский сказал: «А таких, как я, всего один». Хлебников же скромно прошептал: «А таких, как я, и одного не сыщешь».

Владимир Высоцкий – еще будет!

Начало карьеры

Говорят, что молодость – это недостаток, который быстро проходит. Как сказать... У Высоцкого молодость проходит медленно, неуверенно, сумбурно. Внутренняя неуравновешенность, постоянные эмоциональные перепады. То он ощущает избыток сил, фонтанирует идеями, готов душу отдать первому встречному, – то погружается в уныние и депрессию, уходит в себя, а в себе тоже неуютно и хочется забыться, усыпить душу и разум привычным русским способом. Напротив Школы-студии имеется кафе «Артистическое», именуемое также на французский манер «Артистик»: здесь порой можно обрести забвение, в пределах наличных средств.

Такая неуравновешенность – свойство, нередко сопутствующее творческому таланту (но само по себе его, естественно, не гарантирующее). И тут многое зависит от обстоятельств, от степени востребованности актера. Если его заметили, оценили, начали использовать, то в момент «светлой» фазы он реализуется полностью, а последующий провал становится просто паузой, интервалом. Если же избыточные силы не находят созидательного применения, они могут перекинуться на саморазрушение.

В Школе-студии Высоцкий на хорошем счету, но в учебных спектаклях достаются ему роли мелковатые: в чеховской «Ведьме» – ящик, в «Свадьбе» того же автора – Жигалов, отец невесты, вопрошающий: «А вот грузди в Греции есть?» (Александр Михайлович Комиссаров научил его в этом месте двумя пальцами изображать вилку, на которую этот гриб насажен.) В январе шестидесятого – столетний юбилей классика, на его родине в Таганроге в ходе Чеховских дней выступают и мхатовские студенты, но без Высоцкого – он отстранен от поездки за недисциплинированность, за срывы.

В дипломном спектакле «На дне» у него роль Бубнова. Все хвалят, удивляются, как он здорово перевоплощается в такого взрослого дядьку, но все-таки весь спектр своих возможностей он развернуть не может. Ведь не только грубость и брутальность ему доступны, он и Актера с его надрывом и отчаянием потянул бы...

Приезжает в Москву Иза, избавившаяся наконец от уз предыдущего брака. Пора оформить отношения. Пришли в загс, там девушка выдала им бланки, стала что-то объяснять, а жених тут же демонстративно указывает на невесту:

– Это вы ей говорите! Я в этом ничего не понимаю...

И дальше всё пошло в таком же шутейном духе. Словно не настоящая женитьба, а учебный спектакль, генеральная репетиция взрослой жизни, которая начнется еще нескоро.

Семен Владимирович из Ленинграда, где сдавал экзамены в Академии связи, скомандовал по телефону: «Делайте нормальную свадьбу, как у людей!» А где? Может быть, у Володи Акимова? Нина Максимовна даже сходила туда, навела порядок, вымела два ведра окурков... Нет, лучше в Большом Каретном. Евгения Степановна с ее армянской родней активно готовится к событию, а Высоцкий прощается с прежней жизнью, учинив мальчишник в «Артистическом». В актерском мире особенное отношение к браку: здесь не считается, что в двадцать два года жениться рано, бывают мальчишки, которые и в более нежные годы попадают в западню. Просто актерский брак – он всегда как бы под вопросом, это своего рода черновик. Некоторые актеры потом мужают, матереют, становятся добропорядочными отцами семейств, иные же и до девяноста лет порхают по сцене и по жизни, то и дело надевая на себя очередные цепи Гименея, а потом сбрасывая их, как бумажную гирлянду или ленту серпантина во время новогодней елки.

Двадцать пятого апреля Иза была на регистрации в сказочном наряде – бело-розовом платье на каркасе. Потом вся квартира в Большом Каретном была переполнена однокурсниками невесты и жениха, который перемежал исполнение песен репликами: «Она меня соблаз-

нила, лишила свободы!» Среди подарков – огромный дог, купленный Геней Яловичем (они с Мариной Добровольской были свидетелями) на улице у какого-то мужика всего за десять рублей. Через три дня эту баскервильскую собаку пришлось вернуть дарителю, а тот потом долго сбывал ее с рук.

Под утро вернулись на проспект Мира, и сумрачные работяги, шествовавшие на смену, с недоумением лицезрели невысокого стройного юношу, стоящего на подоконнике в одних трусах и приглашающего их к себе с тем, чтобы торжественно обмыть «лишение свободы». Однако всё, кончен бал, шутки в сторону!

В конце апреля – прогон дипломного спектакля «На дне». В зале присутствовал Борис Шаляпин – сын легендарного певца, очень хвалил всех исполнителей. Во время монолога Бубнова о бесплатном трактире, который он мечтает устроить для бедняков, Нина Максимовна услышала сзади женский голос – не восторженный, а ровный, строгий и уверенный: «За этим мальчиком я буду следить всю жизнь». Кто это был – актриса, режиссерша, критикесса? А может быть...

...Голос просится наружу, хотя еще непонятно, что, собственно, хочет этот голос сказать. Когда под руки попадает пианино, Высоцкий пускается в долгие импровизации, накручивая аккорд за аккордом в произвольном порядке и изображая Луи Армстронга. Многим это нравится даже больше, чем оригинал. Английский язык он имитирует абсолютно похоже – весь набор звуков, и слушающим не мешают никакие комплексы насчет степени понимания текста. Важен сам эмоциональный ритм, гул – и необязательно, чтобы в этом гуле прослушивались конкретные слова.

У компании Кочаряна есть свой песенный репертуар – из разряда «музыка блатная, слова народные», их поет и сам Лева, и многие из завсегдатаев Большого Каретного. У Андрея Тарковского, например, коронный номер – «Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела...». Утверждает, что сам он это и сочинил, но скорее всего разыгрывает. У Высоцкого тоже есть любимая песня этого типа – веселая одесская «И – здрастье, мое почтение...». Всякий раз приезжая к Изе в Киев, он встречал ее этими словами. Естественно, «Речечка», растекшаяся по стране во множестве вариантов, «Шнырит урка в ширме у майданщика...», «Рано утром проснешься и откроешь газету...». Это всё он в соответствующем настроении может выдать, отбивая ритм рукой по столу – с гитарой отношения пока никак не складываются. Что-то в нем сопротивляется тому, чтобы быть просто «исполнителем».

А сочиняются пока только пародии. Как в театральной учебе пародия – необходимый способ приобретения актерских навыков (передразниваем мимику и речь друг друга, своих педагогов, эстрадных знаменитостей, политических вождей), – так и в поэзии всё начинается с пародирования, шутливого копирования чужих стилей и языков. Берешь в руки перо – и в момент становишься Пушкиным, Некрасовым, Маяковским. Однажды Высоцкий выдал целую серию экспромтов, когда мама после долгих и упорных трудов привела в божеский вид его летние чешские брюки, которые теперь снова смотрятся как новые:

Ты вынесла адовы муки,
Шептала проклятья судьбе.
За то, что поглажены брюки,
Большое спасибо тебе.

Некрасов

Давно
я красивый
товар ищу!

Насмешки с любой стороны, —
Но завтра
совру товарищу —
Скажу,
что купил штаны.

Маяковский

Тебе сказал недавно: коли
Есть брюки – надо их стирать!
Уже?! Мерси, чего же боле,
Что я могу еще сказать.

Пушкин

Некрасов тут в основном за счет размера (анапеста) изображается, то же и Пушкин с четырехстопным ямбом и пресловутым «чего же боле», а с Маяковским даже некоторый технический блеск достигнут: рифма «товар ищу – товарищу» вполне могла встретиться у самого Владим Владимыча.

Подвернулся и случай для большой пародии, уже почти профессиональной. В марте страну потрясло известие о подвиге четырех солдат, которые сорок девять дней продержались на своей барже в открытом океане. Все газеты восторженно писали о том, как они там, когда кончились продукты, съели кожаные меха от гармошки, голенища сапог. Ребята героические, конечно, но зачем спекулировать на них и повторять без конца одно и то же? И вот, как-то брэнча на гитаре «Я был батальонный разведчик...», начинает Высоцкий на эту мелодию сочинять неприятные куплеты:

Волна на волну находила,
И вал за валом набегал.
Зиганшин стоял у кормила
И глаз ни на миг не смыкал.

Стихия реветь продолжала,
И тихий шумел океан.
Асхана сменил у штурвала
Спокойный Федотов Иван.

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых уходит Иван.

Отложил гитару, сел за стол, над строфами расставил римские цифры – номеров всего будет сорок девять, но строф меньше: пропущенные номера заменяются кратким прозаическим пересказом. Например:

XX
Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,

Крутая скатилась слеза.

...Голод становится невыносимым. Культмассовая работа не ведется по причине отсутствия муз. инструментов. Люди ослабли, но смотрят прямо и друг друга не едят.

Дойдя до оптимистического заключения, сделал издевательскую приписку: «Таким же образом могут быть написаны поэмы о покорителях Арктики, об экспедиции в Антарктиде, о жилищном строительстве и о борьбе против колониализма. Надо только знать фамилии и иногда читать газеты». Потом придумал такой заголовок:

Пособие для начинающих и законченных халтурщиков
СОРОК ДЕВЯТЬ
Поэма-песня в сорока девяти днях
(сокращенное издание)

Перечитал все сначала: жутко смешно! А потом призадумался: для кого это он сочинил? Не для самого ли себя? Влез он в шкуру советского стихотворного халтурщика – и навсегда из нее вылез. Попробуй он теперь сочинять что-нибудь героическое или трудовое – стыдно станет. Эти вот пока никому не показанные листочки будут ему упреком в таком случае... Сам себя навсегда лишил возможности сочинять «правильную» поэзию!

В пору госэкзаменов зашел как-то посмотреть на малолеток-абитуриентов. Там ему с ходу приглянулся симпатичный круглолицый Сева Абдулов. Сын знаменитого покойного комика (игравшего грека Дымбу в фильме «Свадьба» за компанию с Раневской и оповестившего всю страну о том, что «в Греции всё есть»), Сева держится без надменности и притом самостоятелен не по годам. Был в Сибири на съемках фильма «Ждите писем» (для мальчика – это крупный успех), но, услышав о смерти Пастернака, сорвался в Москву, присутствовал на похоронах, где и Синявский был, конечно, и где всех брали на заметку – те, «кому надо». Высоцкий тоже не побоялся бы съездить тогда в Переделкино, но его компания как-то пропустила это событие. В общем, подружились они с Севой, несмотря на четырехлетнюю разницу в возрасте.

Куда пойти работать по окончании Школы-студии? У Высоцкого есть разные варианты. Театр имени Маяковского на него имеет виды, а там ведь командует Охлопков – яркий режиссер новаторской складки. Да и Ролан Быков, приехавший из питерского Театра Ленинского комсомола, после дипломного спектакля проявил интерес к исполнителю роли Бубнова. На Большом Каретном у Высоцкого по этому случаю возникла кличка Вовчик-премьер. Но он ведь человек солидный, семейный, ему надо вместе с Изой устроиться. Поэтому он больше всего прислушивается к Борису Равенских, заправляющему Театром имени Пушкина. Тот обещает радикально омолодить труппу: «Володя, я всех уберу...» И насчет Изы дал честное слово.

Двадцатого июня Высоцкому вручен диплом и присвоена квалификация «актер драмы и кино». В ходе обучения выдержал он тридцать один экзамен (отлично – 24, хорошо – 6, удовлетворительно – 1) и тридцать пять зачетов.

Оба госэкзамена (мастерство актера, диалектический и исторический материализм) сданы на «отлично». Получено распределение в Театр имени Пушкина (вместе с товарищами по курсу – Буровым, Портером, Ситко). Однако карьера Высоцкого в этом храме Мельпомены на Тверском бульваре начинается с того, что туда приходит бумага из милиции: молодой актер слишком бурно отметил с приятелями окончание альма-матер, учинив все в том же кафе «Артистик» небольшой дебош. Плохая примета...

В июле – поездка с Изой на теплоходе в Горький. Затем Рига, где гастролирует Пушкинский театр и где дебютантов собираются вводить в спектакли текущего репертуара. Гостиница

«Метрополь», прогулки по старому городу – шикарная жизнь! Новобранцев пока используют в массовках, но всему свое время, успеем еще. Высоцкий звонит Кохановскому, и тот приезжает сюда отдохнуть и разделить компанию. По вечерам, когда из гостиничного ресторана уходят профессиональные музыканты, Высоцкий садится за рояль и наяривает своего «Армстронга».

А однажды в гостиницу к ним наведалься Александр Аркадьевич Галич – уважаемый драматург и киносценарист. Что-то пел под гитару, вспоминал свои встречи со Станиславским, Багрицким. Рассказал массу баек, например, про покойного Вертинского. Как сидели они с ним за одним столом в ресторане ВТО. Александр Николаевич пил чай с лимоном, а Галич кушал полный обед с коньячком. Вертинский, расплачиваясь, вальяжно произнес: «Сдачи не надо», и официант согнулся в почтительном поклоне, хотя речь шла о копейках, которых в буквальном смысле хватит разве что «на чай». Галич еще посидел один, а получив счет, заплатил десятку сверху. Официант принимает деньги с высокомерным выражением лица. Не выдержал Галич и спрашивает: почему, мол, на фоне такой почтительности к Вертинскому такое пренебрежение к нему, столь щедрому посетителю? А официант отвечает: «Так тот же – настоящий барин!»

По возвращении в Москву работа оборачивается сплошным разочарованием. Разве это роли? Шофер Костя в пьесе о проблемах молодежи, падкий до сенсаций итальянский журналист с блокнотом, красноармеец с винтовкой, игрок в кости в древнеиндийском сюжете, немногословный начальник отдела кадров на стройке (названия и имена авторов стоит умолчать «в силу экономии бумаги», как говорил Зощенко). Получше будет – «Изгнание блудного беса» по Алексею Толстому. Там вся труппа занята в динамичном действе. Все, глядя на старца, которого играет знаменитый Борис Чирков, бегают, прыгают, укутанные в какие-то нелепые одежды, – друг друга на сцене не узнать! А выше всех сигает исполнительница главной роли Фаина Григорьевна Раневская. В такой толпе даже весело делается – все на равных, в едином кураже. Ну, еще подфартило Высоцкому в конце сентября заполучить роль Лешего в «Аленьком цветочке», которую он теперь играет поочередно с Торстенсеном. Тут есть простор для импровизации, даже для хулиганства.

Решительно не заладилось дело с новым спектаклем – по пьесе чешского драматурга Дитла «Свиные хвостики». Начинать Высоцкий репетировать главную роль – Ржапека, а потом решили, что не смотрится он в качестве пятидесятилетнего мужика. Перевели его в эпизоды – вплоть до прохода с барабаном из кулисы в кулису. Но главная подлость Равенских: теперь от разговора о работе для Изы Высоцкой он уходит.

Весной, во время дипломных спектаклей, в Школе-студии крутились молодые кинорежиссеры Довлатян и Мирский, подыскивая молодежь для фильма «Карьера Димы Горина». Вильдана звали на главную роль, а он отказался: ему был обещан Хлестаков во МХАТе. И Высоцкого они тогда заметили, а теперь по рекомендации Кочаряна берут на монтажника Софрона – роль не первого плана, но колоритная. В ноябре выехали на съемки в Карпаты, где в то время возводилась новая линия высоковольтных передач. Приходилось взбираться на сорокаметровые опоры, дух захватывало. Работа в кино всегда интересна – хотя бы сопутствующими приключениями. Есть потом что вспомнить, что людям рассказать с комментариями и прибавлениями, в которые от многократного повторения сам начинаешь верить. По ходу съемок перебежали в одежде холодную горную речку. Страшно мерзли актеры, зато потом им выдавали спирт для растирания. Спирт, естественно, употребляли более рационально, после чего готовы были опять в воду прыгать...

Ну а коронный эпизод – не в фильме, а в последовавших за ним рассказах – это Высоцкий как жертва мордобоя. На второй съемочный день Высоцкий должен был вести ЗИЛ-130 и приставать к сидящей с ним в кабине Татьяне Конюховой. Такая уважаемая, известная артистка... Может быть, не надо ее обнимать, может быть, я лучше скажу ей что-нибудь? Режиссер недо-

волен, и сама артистка уже говорит: «Да ну, перестань, Володя! Ну, смелее! Ну что ты?» А влюбленный в героиню Дима Горин все это видит. И играющий его Саша Демьяненко должен теперь бить Высоцкого в челюсть, причем по-настоящему, потому что это не театр и на большом экране вранье сразу будет заметно. Шел дождь, у оператора все время получался брак, и пришлось снимать девять дублей. Демьяненко говорит: «Володя, ну что делать? Ну надо! Ну, давай я хоть тебя для симметрии по другой половине лица буду бить». А может, он этого не говорил, а Высоцкий сам это придумал. Зато теперь есть в запасе устная новелла с эффектным финалом: «Вот так началось мое знакомство с кинематографом – с такого несправедливого, в общем, мордобития».

Жизнь не получается. В театре ничего не светит. И в остальном...

В январе шестьдесят первого, во время школьных каникул, Изе удается по договору поработать в Ленкоме. В помещении Театра Ермоловой она играет в «Новых людях» по Чернышевскому Веру Павловну, танцует на сцене мазурку с обаятельным Ширвиндтом. У Высоцкого – такая уже наметилась закономерность – январь месяц тяжелый, с неизбежными срывами и горьким забвением.

Февральскую премьеру «Свиных хвостиков» при всем желании в творческий актив не запишешь. Изе он не в состоянии помочь, а тут еще и одно роковое событие.

Признались маме, что Иза беременна, что они оба хотят ребенка. Незадолго до того мама предложила им ночевать в ее комнате: мол, все равно она раньше всех уходит на работу. Настроение у нее в те дни было не самое радостное: Бантош тогда выбыл – из квартиры и из ее жизни. О том, чтобы стать бабушкой, она отнюдь не мечтала. Вот и наговорила Нина Максимовна таких слов, которые лучше не вспоминать... Жуткая сцена приключилась...

Он навещает Изу в больнице. Выйдя оттуда, плачет. Пьет.

В марте Иза уезжает работать в Ростов.

Дальнейшая семейная жизнь под большим вопросом, хотя они оба стараются об этом не думать.

После отъезда Изы его тянет из дома подальше, он ночует то у Акимова, то у Утевского, а чаще всего – у Кочаряна. В их компании у всех дела не блестящи, зато есть общая вера в будущее. Сложилась своего рода коммуна. Бывают здесь Артур Макаров, Эдик Кеосаян, заглядывает Олег Стриженков, были даже Вася Шукшин и Андрей Тарковский. В стране идет борьба с тунеядцами, а они как вызов режиму «Гимн тунеядцев» сложили:

И артисты, и юристы
Тесно держим в жизни круг.
Есть среди нас жиды и коммунисты,
Только нет среди нас подлюг!

Идем сдавать посуду,
Ее берут не всюду.
Работа нас не ждет,
Ребята, вперед!

Иногда не хватает для всех спальных мест. Легендарным стал случай, когда даже на пол нечего было постелить, и припозднившегося Высоцкого Лева уложил спать в ванне. Под подбородок ему доску положил и всю ночь горячую воду подливал. Да, есть что вспомнить!

Андрей Тарковский однажды размышлял: «Ребята, давайте, когда станем богатыми, построим большой дом в деревне и будем все вместе там жить!» А пока Андрей готовится к постановке первого своего большого фильма – «Иваново детство». В основе – повесть В.

Богомолова «Иван», где главный персонаж – мальчик-разведчик, нервный, почти истеричный, люто ненавидящий немцев, убивших всю его семью. На эту роль нашли четырнадцатилетнего паренька Колю Бурляева. А Высоцкого пробуют на капитана Холина – уверенного в себе командира и неотразимого сердцееда. После проб он приглашает младшего товарища в «Эрмитаж», угощает мороженым и шампанским, расспрашивает о жизни. Этот юный заика и неврастеник точно будет артистом – весь натянутый, как струна, без тормозов и отвлекающих мыслей в голове. И точно: Бурляева утверждают с ходу, а Высоцкому опять советуют подрасти, поскольку не тянет он на умудренного жизнью Холина, и предпочтение отдано опытному Зубкову. Но там же есть еще молодой лейтенант Гальцев, с которым Иван так фамильярно держится. Почему Андрей эту роль Высоцкому не предложил?

А Лева Кочарян работает в Севастополе в фильме «Увольнение на берег» и небольшую роль для Высоцкого пробил: будет он там морячком, которого на берег не пускают. Зато на крейсере «Кутузов» предстоит самая настоящая морская жизнь.

(Потом Высоцкий с Прыгуновым и Трещаловым, не переодевшись в гражданскую одежду, выйдут с крейсера выпить газировки, а их сцапает патруль. Доставят в комендатуру, чуть на гауптвахту не отправят. Разберутся, отпустят, но история запомнится.)

Кочарян рекомендует Высоцкого еще и для участия в фильме «713-й просит посадку». И Анна Давыдовна Тубеншляк, работающая в фильме вторым режиссером, поддерживает эту идею. «Нестандартный» Высоцкий показался ей подходящим для роли солдата американской морской пехоты. Там коварные шпионы напоили экипаж снотворным, пассажиры в панике, и больше всех бьется в истерике персонаж, которого ему предлагают. Скоро ехать на пробы, а пока он проводит вечера на Большом Каретном, с друзьями, вином и гитарой. Свой нехитрый репертуар Высоцкий уже не раз записал на магнитофоны – акимовский, кочаряновский. Но как-то уже навязли в зубах чужие песни. Когда же сложится что-то свое?

Первая песня

Она приходит неожиданно – вваливается в битком набитый ленинградский автобус вместе с симпатичным плечистым амбалом в незастегнутой по причине жуткой жары рубашке-бобочке. Пальцы у этого здоровяка изрисованы лиловыми перстнями, а на умеренно волосатой груди обнаруживается тщательно выполненный женский портрет, под которым полукруглием выведена надпись: «ЛЮБА! Я тебя не забуду!»

Не забывается никак эта картинка. Люба становится цветной, одетой в пестрое крепдешинное платье с черным кожаным поясом на узкой талии. Рядом с ней два ухажера – это уж как минимум. Какие губы у нашей Любы... Только где-то Люба уже была... «А Люба смотрит – что за красота, а я гляжу...» Жаль... Картинка смазывается, исчезает...

Потом она возвращается к нему вечером, на перроне перед поездом 23.50. Кто-то кого-то провожает, люди целуются, машут из окон руками... Мы та-та-та попрощались на вокзале... Мне сказали... Так может же быть: «Вали»?.. Валея ее назовем – и всё!

За два дня все сладилось, срифмовалось, легло на мелодию:

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили – так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я – тем более!» – мне Леша отвечал.

Вроде всё шуточки, а у ребят моих страсти сурьезные разыгрались:

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней – попробуй разбери:
У него – твой профиль выколот снаружи,
А у меня – душа исколота снутри.

«Изнутри» не влезло по размеру, но «снутри» даже лучше. Товарищ-то академиев не кончал. Но и не совсем деревня – нормальный городской мужик. Сейчас немножко сгустим красочки, слезу подпустим:

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Может, лучше: «И гляжу не отрываясь на тебя»? Так, может, было бы правильнее, но «часами» – смешнее. А вот теперь – поворотик драматический, кульминация:

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леша

И на грудь мою твой профиль наколот.

У того мужика в автобусе, правда, не профиль был – фас, но кому это теперь важно? А вот и финал, этот куплет уже заранее сочинен, осталось только заполнить пару дырок. «Что моя та-та-та-та татуировка»... «Что-моя-люби-мая-тату-иров-ка» – не то. А точно – «моя»? Почему не ее? Ее же портрет-то... А что, если с такой предпоследней строкой:

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя – верней, твоя – татуировка
Много лучше и красивше, чем его!

Ничего получилось. Молодец Вэ Высоцкий! Эт-то можно и людям показать!

В Москве он хватается за телефон. Где-то пусто, где-то занято, наконец Макаров отвечает хриплым голосом, со вчерашнего бодуна: «Чего принести? Ну... поправиться». Прихватив с собой – все-таки – гитару, он берет в гастрономе два «огнетушителя» «Карданахи» и, нагруженный, поднимается к двери Артура.

Настроение игривое, игровое. Поставил одну бутылку на стол, соскоблил ножом сургуч, а в пробку воткнул подобранную с пола вилку.

– Арчик, меня тут недавно научили лихо открывать бутылки. Сейчас я ее толкну, она упа-дет, пере-вер-нется, ударится доньшком, и пробка вылетит сама!

– Да что ты! Разобьется же бутылка. Я тебя тогда убью, б...

Но бутылка уже шлепается плашмя об пол. Мгновение – и зеленые осколки торчат из портвейновой лужи. Весело глядя на поникшего в скорбном молчании Макарова, он берется за вторую, готовясь в случае чего прыгнуть к двери. Загадал про себя: если удастся фокус, то я – поэт.

Теперь бутылка стучается об пол доньшком и непостижимым образом уцелевает, а пробка хоть и не вылетает, но смещается, и ее ничего не стоит вытянуть, взявшись за вилку. Где стаканы?

– Вот видишь, а ты боялся.

Пока Артур потихоньку возвращается к жизни, Высоцкий как бы невзначай берет аккорд-другой. «Не делили мы тебя и не ласкали...»

Кончились и песня, и портвейн. Макаров снисходительно хмыкает:

– Смешно. А чья песня-то?

– Моя.

– Да иди ты!

– Ну точно моя!

– Тогда ты орел. Слетал бы еще в магазин, а?

Вечером они с Акимовым провожают Инну Кочарян в Севастополь. Он опять берет с собой гитару и, улучив подходящий момент, когда они уже уселись втроем в купе, а соседи еще не подоспели, осторожно предлагает:

– Хочешь, на дорожку покажу кое-что? Сам сочинил, а никто почему-то не верит. Говорят, что это из классики.

И самому себя интересно слушать стало. Совсем новое какое-то ощущение: ничего в словах не поменял, а песня как будто другая сделалась.

– Ничего, да? Ты Леве расскажи, ладно? Что я сам это написал.

Пора пробираться к выходу. Кое-кто в вагоне уже к нему присматривается с любопытством. Ладно, ребята, я еще всем вам когда-нибудь спою и сыграю. Вы хотите песен – их есть у меня!

Люся

Снова Ленинград и съемки «713-го». Опять Высоцкому достался эпизод с мордобитием: на этот раз его колошматит красавец Отар Коберидзе, которого он зовет «Батей». Работа тянется в обычном, обыденном ритме. По вечерам и время остается свободным, и душа ничем не занята.

Какому москвичу не знакомо это чувство, когда томишься ты в этом чужом, сумрачном, неуютном городе, да к тому же не в лучшей, не центрально-парадной его части? Погуляешь так возле гостиницы «Выборгская» по улицам, наименованным в честь сибирских городов: Омская, Новосибирская, – и взвоешь. Господи, куда я попал? В Омске или Новосибирске небось повеселее будет, а тут не столица, не провинция, а какое-то безнадежное глухое пространство. Да еще сентябрьский дождь, да еще безденежье, и выбраться на Невский проспект, чтобы погулять с местными театральными киношными аристократами в восточном зале «Европейской» или там на «Крыше», – нету ну ни малейшей возможности.

Новые деньги, вошедшие в жизнь советских людей с начала этого года, стали уходить с большей скоростью. Обмен был один к десяти, а шутят теперь так: на старую пятерку (то есть нынешние пятьдесят копеек) можно было пообедать один раз, а на новую... два раза. А уж выпить по-человечески... В баре грязноватого гостиничного ресторана зеленая трешка с желтеньким рубликом ушли в момент, а разговора с компанией командированных, сидевшей в зале, явно не получилось. Слишком много их было, не поняли его... Милицию администратор вызывать не стал, но пообещал завтра выселить, а неоплаченный счет на киностудию прислать. Мол, много эти артисты себе позволяют!

Слегка поцарапанный, в рубашке с оторванными пуговицами выходит он на крыльцо. Вот эта высокая красавица с большими глазами наверняка сейчас придет ему на помощь!

– Девушка, у вас денег не найдется?

Денег у нее самой не нашлось, но она тут же принимается их разыскивать, кого-то спрашивать – безрезультатно. Тогда эта принцесса снимает с пальца золотой перстень с драгоценным камнем и вручает ему, чтобы отдал он его своим недругам в залог, а завтра выкупил, разжившись деньжатами.

Что тут можно сделать? Подняться вместе с дамой в ее номер и с порога красиво провозгласить:

– Будьте моей женой!

Отказа, во всяком случае, не последовало. Для продолжения знакомства он начинает петь – «Татуировку», «Красное, зеленое...». Она слушает внимательно. Что бы ей еще показать? Чем удивить? А вот: «Эх, вышла я да ножкой топнула...» Помните, Жаров в фильме «Путевка в жизнь» это поет?

На следующее утро они вместе отправляются в город. Им, оказывается, по пути – вплоть до киностудии «Ленфильм». И там – один этаж, одна группа, всё тот же «713-й просит посадку». А Люся здесь играет главную роль. Вчера она просто не узнала морского пехотинца, когда он был вместо американской формы в русской, да еще в рваной рубахе. Но он-то как мог не опознать Людмилу Абрамову, с которой уже столько времени работает в одном фильме? Ну, может, и понял, кто она, но из гордости – или просто из блажи решил сыграть в таинственность. Дело актерское, да к тому же и молодое...

Заветный перстень выкупили и в ресторане том не раз впоследствии сидели. За следующую красивую драку Высоцкого не только не сдали в милицию, но более того – премировали бесплатным ужином. Очень уж всем понравилось, как он отключил одного нахального жлоба, приставшего к Люсе с нетрезвыми комплиментами! Но чаще приходится питаться в «Пон-

чиковой», где Высоцкому сердобольные тетки отдают все неправильно выпеченные и потому отбракованные пончики. Хоть они и кривые, а на вкус очень даже ничего...

Судьба знает, что делает. Соединила она их, не сверяясь с паспортными данными, не спрашивая мнения родителей с обеих сторон. В Москве Люся знакомит его со своей родней. В двухкомнатной квартире на Беговой обитают Люсины мать, бабушка с бабушкой, сестра бабушки – и вот теперь еще молодые. Жених, мягко говоря, не очень перспективен: ушел из Театра имени Пушкина – вроде по собственному желанию, но что он дальше собирается делать? Откровенно говоря, Люся могла бы подыскать более эффектную кандидатуру.

Нина Максимовна и Семен Владимирович – каждый по-своему – тоже озадачены: а как же Иза? К ней они уже привыкли, приняли ее... Ведь Володя собирался ехать к ней в Ростов, работать в одном с ней театре. Что же, теперь каждый год у сына будет новая жена?

Изу известили о случившемся общие знакомые. Она звонит в Москву, негодует, бросает трубку. Это называется разрыв. Что тут можно сказать? Только посочувствовать первой жене Высоцкого (как, впрочем, и последующим). В литературе, особенно в драматургии, часто встречаются сюжеты о несчастной любви героя к героине. В жизни же почти всегда страдательной стороной выступает женщина, а мужчины ведут себя отнюдь не героически, предпочитая уходить от ответственности. Нашему герою не исполнилось еще двадцати четырех лет. Он, как говорит его ровесник в классическом произведении, «не создан для блаженства». А для чего он создан – пока не совсем ясно.

В театре его недисциплинированность стала притчей во языцех. Фаину Раневскую, как известно, трудно чем-нибудь удивить – она сама регулярно ошарашивает театральный мир неожиданными репризами с использованием крепких словечек. Но даже она, стоя у доски объявлений и читая бесконечный перечень объявленных В. С. Высоцкому выговоров, растерянно спросила: «А кто же этот бедный мальчик?» С октября «бедный мальчик» практически исчезает из репертуара.

В кино «713-й» свою посадку совершил, а новых полетов пока не планируется. Да, была еще съемка в антирелигиозном фильме «Грешница». Высоцкий там довольно бодро сыграл инструктора райкома Пыртикова, который приезжает в колхоз и допрашивает бедную Юю Савину, как она смогла так низко пасть и стать сектанткой. Потом судили-рядили, да и выкинули этот эпизод (причем, как выяснилось впоследствии, имя Высоцкого из титров вычеркнули забыли). Почему выкинули-то? Да очень может быть потому, что темпераментом Высоцкого слишком оттенены идиотизм правоверного атеиста, его дуrolомность советская. Форсировав идеологический нахрап, Высоцкий придал ему пародийный оттенок. И решил режиссер на всякий случай не дразнить гусей.

Зато песни сочиняются. До конца шестидесят первого года написаны «Я был душой дурного общества», «Ленинградская блокада», «Бодайбо», «Город уши заткнул», «Что же ты, зараза...»... Гарик Кохановский, заглянув на Большой Каретный, послушал – и просто обалдел. Вдохновленный примером друга, тут же сочиняет «Бабье лето», которое здесь теперь все поют – и соло, и хором.

Чуть позже появится главный «хит» раннего Высоцкого – «Большой Каретный». Песня, которая с полуоборота заводит любую аудиторию. Мертвого поднимет, заставит подпевать и притопывать в такт. В чем тут главная хитрость? В композиционной инверсии. Песня начинается не с запева, как обычно бывает, а сразу с припева:

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?

На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

В песне есть намеки, понятные только своим. «Черный пистолет» выдали Толяну Утевскому, когда он поступил на работу в МУР. А строки «Переименован он теперь, / Стало всё по новой там, верь не верь!» – это ведь не просто о том, что переулок теперь именуется улицей Ермоловой. «По новой» звучит как «Пановой», и это намек на одну пассию автора – Наташу Панову, художницу по костюмам с киностудии Горького. «Художества» у нее были своеобразные. Как-то собралась компания Большого Каретного, а Наташи все нет и нет. Высоцкий примерно знает, где она может быть, и отправляется туда. Застает ее в компании двух брюнетов. Берет графин со стола – и об стенку. На том и расстались...

Но это шифры для своих, а песня приобретет более широкий смысл, ее примут близко к сердцу и те, «кто в Большом Каретном не бывал». Станет песня народной, не перестав при этом быть «высоцкой».

Чужой театр

Играть хочется всегда.

Когда ему случается остаться со сценой наедине, – глядя на нее из пустого зала или из-за кулис в нерабочее время, – он минуту-другую думает о том, как много можно всяких штук сделать с этим деревянным помостом и как бездарно ухитряются люди использовать данное им пространство абсолютной свободы.

Год шестьдесят второй – сплошные разрывы. Началось с очередного ухода из Пушкина. Сам ушел: хватит хвостиков! Сосватали ребята в Театр миниатюр – Тамара Витченко, Высоковский, Кузнецов долго уламывали главрежа Полякова и добились-таки. Местонахождение хорошее, в Каретном Ряду, но больше, пожалуй, достоинств и нету. Попал в спектакль «Путешествие вокруг смеха». Именно, что вокруг... Миниатюра называется «Ревность», получил в ней роль любовника, одного из скольких-то там. Выйдя на сцену и увидев героиню, он должен остолбенеть и выпить воду из вазы для цветов. А потом, конечно, прятаться в платяном шкафу. Юмор тонкий! Публика ржет, как будто ее режут.

Присвоил себе новое звание – Вовчик-миниатюр – и четырнадцатого февраля с новым коллективом ту-ту! – на восток. Гарик Кохановский провожал, с «Бабьим летом» и рассказами о любовных страданиях. Потом все пошло как обычно: бабы принялись вязать, мужики пить. Он спел им несколько своих блатных, особенно всех тронула «Татуировка». Только после этого нелегко было уклоняться от питейных приглашений, но выдержал, сославшись на все возможные недуги: дескать, у меня язва, печень, туберкулез – и вообще перпетуум-мобиле...

Приехали в город Свердловск, девичье имя – Екатеринбург. Недавно эти места сильно потравили радиацией, и люди мрут как мухи. Гостиница «Большой Урал» – с маленькими номерами и с совсем уж мизерным комфортом. Соседом оказывается артист Рудин, человек тихий, песни слушает внимательно, но и сам пишет, на беду, да еще пьесы – что твой Чехов. Тщательно так, строчки по четыре в день.

Будит утром, чтобы показать очередной остроумный диалог:

«Она. Он обязательно уйдет от Ольги!

Он. Нет! При ней заложником – его сын!»

Что можно ответить на такое, да еще со сна?! Тут никакого юмора не хватит.

– Ты лучше напиши: «При ней заложником его сукин сын!»

Обижается.

Чем меньше искусства – тем больше борьбы. Все кругом суетятся, интригуют, помогают, как манны небесной, «ставки с четвертью», а он как-то в стороне. Стоит ли бороться за новые вводы, когда от миниатюрной этой жизни хочется бежать на все четыре стороны?!

Однако же гитара понемногу начинает примирять с окружающими. Коллеги все чаще заглядывают в номер 464: кто просит спеть, кто сам уже приобрел инструмент и хочет получить бесплатный урок у маэстро Высоцкого. Находятся все-таки люди того же, что и он, «резуса крови», как сказалось однажды в шутку. Распевают «Татуировку» и даже обсуждают, как ее можно инсценировать. Сам Высоцкий поет, а два артиста в это время разыгрывают сюжет. При словах «Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху...» исполнитель роли Леша разрывает рубаху на груди, демонстрируя умопомрачительный портрет дамы. На сцене циферблат, и когда поется: «Гляжу, гляжу часами на тебя», – стрелки начинают крутиться, отсчитывая час за часом. Это уже тебе не миниатюра, это спектакль! Жаль только – не из кого худсовет составить, чтобы утвердили...

С Поляковым конфликт назрел неминуемый, режиссер увольняет актера Высоцкого из театра с уникальной формулировкой: «За полное отсутствие чувства юмора». Высоковский

с Сашей Кузнецовым хотели было пойти просить, но он их остановил. Зачем? Действительно, не тот юмор, не та группа творческой крови.

Следующий чувствительный афронт – «Современник». Уж эти-то, казалось, будут поближе, почти со всеми он знаком по Школе-студии. Сначала по-свойски говорят: приходи, мол, сразу на второй тур. Выбрал для показа Маляра из чешской комедии и блатняка по кличке Глухарь из пьесы «Два цвета». Готовился тщательно, придумывал походку, жесты, ухватки. А они не по-доброму глядели – поджав губы. Один спектакль потом дали сыграть, но это было безнадежное сражение. Хотя играл в полный накал: было для кого. Пришли Лева с Инной, Артур, Гарик, Олег и Глеб Стриженовы... В роль он попал точно, если уж по-честному, да и добавил кой-чего, заострил. Ну, невозможно же настоящую жизнь один к одному сыграть: либо больше, либо меньше получается всегда.

Раздухарился так, что потянуло симпровизировать. «Был у меня друг...» – идет по тексту. А он вдруг продолжает от себя: «друг – Левка Кочарян, Толян-Рваный, Васечек...» Свои-то понимают, смеются, а те – не очень. Все же возникло ощущение удачи. Вышли после спектакля на площадь Триумфальную, постояли за широкой спиной бронзового Маяковского – и отправились всей гурьбой к Кочарянам отмечать дебют.

Через два дня, однако, звонят и извещают, что в «Современник» его на работу не берут: мол, играл «не в ансамбле», похоже на «дурную эстраду»... Чуть ли не розыгрыш первоапрельский получился. Очень он огорчен, и для Люси это тоже обидная неожиданность. Потом Миша Козаков прокомментировал: не надо, мол, было браться за роль, которую Евстигнеев играет. Ну, если так подходить...

А уж возвращение в Театр Пушкина... Сказать, что вернулся не от хорошей жизни, – значит сильно эту самую жизнь приукрасить. Те же «Хвостики» да «Аленький цветочек». Снова выдали лапти и хламиду Лешего: играй – не хочю. Иной раз накувыркаешься вдоволь, народ посмешишь, но все-таки не в этом, наверное, смысл жизни.

Начали репетировать пьесу «Романьола», где ему досталась роль японского консула – интересная роль, только уж больно тихая. Надо вместе с изображающим немца Леонидом Броневым подойти к какой-то дурацкой статуе и сыграть искреннее японское недоумение: мол, не пойму – мужик это или баба. Но без слов.

Вершина его карьеры пушкинского периода – хороший парень Саша из пьесы Константина Финна «Дневник женщины». Из пьесы, но не из жизни. До Саши его допустили уже в Свердловске – все гастрольные дороги ведут в этот уральский Рим. Пьеса до ужаса правильная. Саша – шофер, влюбленный в хорошую девушку. Но как-то выплеснулась страсть, что-то свое проклюнулось сквозь оболочку роли. Поздравляли потом, Лилия Гриценко вся обрыдалась. Вроде и народу, то есть зрителям, тоже не противно. Жаль только, песня здесь не своя – «Думы мои, думочки – дамочки и сумочки...», на так называемых шефских концертах ее приходится петь по многу раз. А свои песни он начинает под сурдинку подбрасывать Лешему: детская публика недоумевает, конечно, но в целом с рук сходит.

За десять дней семнадцать спектаклей – все во имя длинного рубля. Прочитал кусок маяковского «Клопа» – и беги взмокший в другой театр на «Хвостики». Коллеги понадорвали глотки, он тоже три дня промаялся с ангиной. Но главное – атмосфера чем-то заражена: то ли уральским стронцием, то ли привезенным из Москвы всеобщим недоброжелательством. Приезжает «фюрер» – так ласково здесь зовут Равенских – и начинает наводить порядок, собирать «материал» на актерскую братию: вот и в газетах местных вас ругают, и пьянства много, а Стрельников и Высоцкий еще и с грузинами подрались в гостинице. В целях самообороны? Как же, как же... Общий перепуг. Мэтры – Раневская, Чирков – под благовидными предложениями удаляются в столицу, но не каждый может себе позволить такую роскошь.

Новое ощущение и прилив энергии он испытывает, играя в «Дневнике женщины» перед телекамерами. Интересно, сколько теперь у него зрителей. «Жаль, лапик, ты не видела, очень я был...» – пишет он Люсе на следующий день, с удовольствием воспроизводя тут же, в письме, сочинившуюся за ночь новую песню:

Весна еще в начале,
Еще не загуляли,
Но уж душа рвалась из груди...

Да, «снова перегоны, вагоны, вагоны, и стыки рельс отсчитывают путь...». Путь не в Сибирь пока, а в Челябинск. Там его подстерегает депрессия и – полный срыв. Домой приходится возвращаться уже вчистую уволенным из рядов служащих Мельпомены. А, была без радости любовь...

Одну незаконченную работу он, впрочем, иногда вспоминает. Это «Поднятая целина» – ее репетировал режиссер Успенский. Доверили молодому артисту тогда аж роль секретаря райкома, которую потом сократили ввиду недостатка времени. А мизансцена такая была: прежде чем встретиться с Давыдовым и начать с ним задушевный партийный разговор, секретарь бежал по донской степи навстречу зрителям, останавливался, раскидывал руки в стороны, потом срывал с головы черную кубанку и кричал в пространство: «А-а-а!» Крик был что надо, он точно выражал настроение и шел из самой глубины.

Время взросления

О театре долгое время не хотелось даже говорить. Зато в важнейшем из искусств кое-какие сдвиги. Позвали сниматься в комедии «Штрафной удар», где нехороший спортивный деятель Кукушкин (его играет знаменитый Пуговкин) нанимает за деньги для участия в спартакиаде в качестве «сельских спортсменов» матерых мастеров спорта. Почему-то этот проходимец перепутал, кто есть кто, и в результате все персонажи должны выступать не в своих видах спорта. Наезднику, которого играет Игорь Пушкарев, придется прыгать с трамплина, а гимнаст Никулин, роль которого досталась Высоцкому, должен будет скакать на лошади. Все это для смеху. Гимнаст, само собой, не в состоянии лошадь даже оседлать – падать он будет раз за разом. И вот идут репетиции на ипподроме, падения с лошади начали получаться, но одно из них привело к серьезному ушибу ноги. Начинаются хлопоты с лечением, зато отпадают проблемы с военкоматом: весной дергали его насчет призыва на действительную службу, а осенью, судя по всему, оставят в покое.

В сентябре Лева Кочарян, занятый на «Мосфильме» у Столпера вторым режиссером («Живые и мертвые» по Константину Симонову), без всяких проб и ошибок оформляет его в съемочную группу. Осенью выехали в пионерский лагерь под Истрой: и съемки, и зарплата, и суточные идут своим чередом. Участвовать довелось всего в трех эпизодах, два без текста, а в роли «веселого солдата» – реплика что-то около тридцати слов. Один солдат, водитель по профессии, сетует, что уже три месяца за баранку не держался, а персонаж Высоцкого его срезает: «Э-э, милый! Это мало ли кто за что по три месяца или больше того не держался, и ничего... терпим. Едем и не жалуемся, а он за баранку слезы льет!»

Приезжает сам автор романа. Глядя, как Пушкарев и Высоцкий с театральным напряжением и бодрыми криками волокут по брустверу пулемет «максим», деликатно, но властно останавливает съемку:

– Поставьте себя на место человека, который вышел на смертельный поединок с другим человеком. Тут уже не до пафоса, не до высоких слов. Слышится только страшный душераздирающий крик. Они уже не воюют, а дерутся – рвут, кусают, превращаются в диких зверей. Убей его, чтобы он не убил тебя, – только так можно выйти живым из боя.

Седой Симонов совсем не стар, но облик его отмечен какой-то подчеркнутой взрослостью. Спокоен, сосредоточен, всё объясняет самыми простыми и точными словами. Не изображает солидность, но и не суетится, не балагурит, не заигрывает с молодежью. Каким он был, что делал в свои двадцать четыре? С какого он года? Надо будет в Москве заглянуть в энциклопедию.

Как-то выдается пауза, окно – три дня без работы. Лагерь, он хоть и пионерский, но все-таки лагерь – опостылел смертельно. Что, если в Истру выбраться, отдохнуть и так далее? Кочарян, конечно, и слышать не хочет: дескать, знаю, чем такие путешествия у вас кончаются. Да еще запер, как воспитательница пионеров, в спальном корпусе, а одежду их гражданскую запрятал подальше. Но наш брат артист если чего решил, то сделает обязательно. Прямо в киношной военной экипировке: в гимнастерках с кубиками на петлицах, сиганули из окна – и за лагерные ворота.

Мужик на телеге за пару пачек сигарет довозит их до шоссе. Там тормознули грузовик. Шофер, молоденький паренек, сразу опознает Пушкарева: еще бы, знаменитость, кто же фильма «А если это любовь?» не видал? Довез их до места, более того – поводит по городу, показал все стратегические объекты: где главное продают, где закуску. В общем, удачно в разведку сходили.

На обратном пути возникает резонная идея запастись свежими овощами. Висмотрели домик с огородиком, открыли калитку – навстречу выходит бабушка-старушка в платочке.

Не успевает Пушкарев свою просьбу сформулировать, как она, завидев кубики на петлицах, кидается ему на грудь и рыдает. Оказывается, у нее два сына погибли в сорок первом. И на фотографиях, висящих в горнице, они в формах точно с такими же кубиками. Да, вот какие сценарные ходы жизнь устраивает порой! Двадцати лет, прошедших с тех пор, как не бывало...

Бабулька угощает их ужином, наливает по рюмочке – сыновей помянуть. Засиделись допоздна, слушая ее рассказы, а потом и ночевать остались, на печке. Утром, снабженные крестьянской снедью, завязанной в платок, возвращались к своим. Как рассказать? Могут ведь и не поверить.

За «Живыми и мертвыми» потянулся некоторый шлейф: Пушкарева то и дело приглашают выступать в войсковые части, и он его берет с собой за компанию. Солдатики – народ живой. Расскажешь им для разогрева пару баек о том, как тебя в «Диме Горине» Демьяненко бил по морде, а потом Коберидзе в «713-м» добавлял, – в общем, навешаешь лапши на уши, берешь гитару – и понеслась. Есть в этом что-то новое, отличающееся от актерской работы. Там ты, как мальчик, как школьник, зависишь от дяди Режиссера, который задает уроки, как учитель, ругает за прогулы и пьянки, в редких случаях снисходительно похваливает. Здесь же ты сам проходишь свой путь от первой строки до последней, а потом другие за тобой – по живому следу. Да, это вот взрослое дело – писать.

В двадцатых числах ноября Люсю отвозят в роддом на Миусах, и начинается веселое оживление. Ребята его даже зауважали как кандидата в отцы, добывают для Люси апельсины, дорогие ресторанные лакомства, навешают всей компанией.

И вот двадцать девятого, после десятка, наверное, нервных телефонных звонков из квартиры на проспекте Мира, он торжествует: «Мамочка, тетя Гися! Мальчик! Сын у меня, понимаете?!» То, что сын – это принципиально. Только так принято у настоящих мужчин!

Скромная гостиница высокогорной базы в урочище Чимбулак, километрах в тридцати от Алма-Аты. В тесной комнатенке собрались артисты Киностудии имени Горького: Пушкарев, Трещалов, Гудков, Яновскис и Высоцкий с гитарой. Звучит песня:

Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

Свой «четвертак», то есть двадцатипятилетие, Высоцкий отмечает на съемках «Штрафного удара», вдали от Москвы, от Люси и маленького Аркашки. Его письма полны тоски, слегка приправленной невеселым юмором:

«Люсенок! Солнышко! Здесь ужасно скучно! Я скоро буду грызть занавески...»

«Лапа! Любимая! Если бы ты могла себе представить, где мы живем! Я писал, что в пещере. Нет! Хуже. На высокогорной лыжной базе. Здесь курева нет, воды нет, света нет, телефона нет, снега нет, лыж нет, солнца нет! Ничего нет. Одни горы, туман и одни и те же рожи. Быстро ходить нельзя – задыхаешься, крепко спать нельзя – просыпаешься, много есть нельзя – объедаешься. Черная жуть в клетку».

А в местных газетах пишут: «Здесь, высоко в горах, завязалась дружба спортсменов и артистов... Вечером в клубе шли нескончаемые беседы: гости рассказывали о задачах советского кино, делились творческими планами на будущее, восхищались красотой наших гор». Впрочем, творческие планы на будущее возникли, ими Толя Галиев, работающий здесь сценарист, делился с Высоцким и еще двумя ребятами. Есть у него идея фильма о жестоко подавленном в 1958 году восстании на комсомольской стройке в Темиртау. Сценарий называется

«По газонам не ходить», а под «газонами» имеется в виду молодежь, будущее, которое вытпывает власть. Договорились.

«Штрафной удар» продолжали еще снимать в Москве – на катке, на ипподроме. Тут, в общем, интересного мало, а вот что важно: на Киностудии имени Горького звукооператоры в аппаратном цехе записали целый час пения Высоцкого. И пошла запись гулять по Москве, переписываться с магнитофона на магнитофон. С этой весны начинается известность Высоцкого как певца – какие песни его, какие нет – это знают немногие. Приписывают ему «Бабье лето» Кохановского и «Тихорецкую» Львовского, а многие его вещи считают «народными». Вышли как-то с Мишей Туманишвили прогуляться на Собачью площадку в районе Арбата, а оттуда доносится: «Они стояли молча в ряд – их было восемь». Поет компашка человек из восьми – десяти, и притом врут буквально в каждой строчке. Подошли к ним: «Ребята, вы неверно поете. Надо вот так...» С большим трудом поверили, что перед ними человек, эту песню сочинивший. А то ведь могли бы обойтись с автором и его другом в полном соответствии с текстом.

Недавно к Кочаряну наведалься не кто иной, как Михаил Таль – самая яркая шахматная звезда. Он всего на два года старше Высоцкого, а успел уже в шестидесятом году завоевать мировую корону, потом снова уступить ее Ботвиннику. Сейчас он приехал на матч Ботвинника с Петросяном. Так, оказывается, он уже наизусть знает фирменную песню этой компании «Большой Каретный», слышал у себя в Риге. И вообще Высоцкого воспринимает как равного себе по известности и уж отнюдь не меньшую знаменитость, чем Окуджава. А между тем знаменитость сидит на мели и не имеет постоянной работы...

Затея с фильмом «По газонам не ходить» завершилась самым плачевным образом. Двадцать четвертого апреля прилетел в Алма-Ату. Роль – из главных, «правая рука» центрального персонажа. Договор оформили на сто тридцать рэ в месяц, ставка съемочного дня – шестнадцать пятьдесят. Съемки начались не сразу, пришлось поскучать. На местном базарчике питались дунганской лапшой, запивая ее вином «Иссык». Спасая Высоцкого от депрессии, Галиев перетащил его из гостиницы к себе домой. Там у него был «Днепр», и под настроение Высоцкий напел не меньше чем два концерта, на целую бобину.

Когда же дело дошло до съемок, в Алма-Ату пришла страшная жара, за тридцать градусов. Город в «ковше» находится непродуваемом, между гор. Если подняться на тыщонку метров – милое дело, а здесь... Полчаса до съемки оставалось, когда он вдруг рухнул без сознания. Вызвали «скорую», а он тем временем в себя пришел, сел и стал беспомощно всех спрашивать: «Что такое? Что случилось?»

В «скорой» его везли даже не лежа, а сидя. Тем не менее заключение дали суровое: «Сердечный приступ на фоне нервного истощения», порекомендовали «длительный отдых». И на словах еще прибавили, что вполне мог бы ты, товарищ, шестнадцатого мая сего года завершить свой жизненный и творческий путь в возрасте двадцати пяти лет. Директор студии, увидев медицинскую бумагу, в ужас пришел: «Вы меня под статью подводите. Как он будет на высоте, с монтажным поясом сниматься? Заплатите мужику что положено и отправляйте его в Москву».

Вот так и поехал артист Высоцкий продолжать рекомендованный ему длительный отдых.

Слишком длительным он оказался. Поработал в экспериментальной студии при клубе МВД, куда его устроил Ялович. Ставили «Белую болезнь» Чапека, где Высоцкий репетировал роль Отца, но премьеры в декабре состоялась уже без него. Куда сложнее без всяких репетиций играть роль мужа и отца в реальной жизни. Мама и Гися Моисеевна нашли удачный вариант обмена, и Высоцким досталась двухкомнатная квартира в Черемушках, на улице Телевидения. Двадцать пятого ноября 1963 года перевезли туда вещи. Мама выбрала комнату со стен-

ными шкапами, туда к ней поставили и Аркашину кровать. Далековато, правда, от центра и не слишком просторно. Жизнь пока поделена между Черемушками и Беговой, да и Большой Каретный остается местом важных встреч и разговоров.

Именно там в декабре произошел напряженный разговор о возможном увеличении семейства в будущем году. Когда Люся об этом известила, молодой супруг был, мягко говоря, обескуражен: денег нет, жить тоже, по сути, негде, куда второго ребенка заводить? Тут входит Лева Кочарян и соломоново решение принимает в момент, за обоих: «Ты – молчи, а ты – рожай». Конец цитаты.

А работа подвернулась с неожиданного боку. Сидели с Мишей Туманишвили в буфете Театра-студии киноактера, делились безрадостными мыслями о житье-бытье. Вдруг появляется Войтенко, администратор калмыцкой филармонии, осведомляется о творческих планах на будущее. И предлагает турне по Сибири, Алтаю и Казахстану – с тем чтобы заменить двух столичных гастролеров, которым пора возвращаться домой. Что ж, голому собраться – только подпоясаться. Двадцать шестого декабря артисты кино Высоцкий и Туманишвили из аэропорта «Внуково» вылетают в Томск.

Намереваясь прибыть в сибирский город через четыре часа, они свои последние средства потратили на торжественное прощание с Москвой в аэропортовском ресторане. Полет, однако, растянулся на четверо суток. Из-за нелетной погоды садились в Омске, Новосибирске. «Аэрофлот» везде селил бесплатно в гостиницу, а вот насчет питания... Хорошо, у Миши после поездки в Италию составилась запас сувениров: Высоцкий галантно дарил их стюардессам, и те брали их с собой в служебную столовую.

Насилу добрались, а на завтра, тридцать первое декабря, уже назначено выступление во Дворце культуры, вместе с двумя певичками. Стали срочно перерывать свой культурный багаж: у Высоцкого есть стихи Маяковского, у Туманишвили – куски прозы. Но главное, конечно, кино: срочно настригли в конторе кинопроката эпизодов со своим участием, изготовили ролики. Все-таки неотразимый это, при всей банальности, номер. На экране Высоцкий в «Штрафном ударе» потешно валится с лошади, все смеются, но вот дали свет, и на сцену выходит слегка смущенный исполнитель роли. Аплодисменты. Приехали к нам живые артисты!

С собой у них оказалась книжка Карела Чапека, выудили из нее смешную сценку, с нее и начали шестьдесят четвертый год. А потом – Колпашево, Бийск, Барнаул, Горно-Алтайск, Рубцовск, Белокуриха, затем перебрались в Казахстан, который насквозь проехали: Джезказган, Караганда, Чимкент, Темиртау, Мангышлак, Гурьев. Важную такую афишу по всем этим городам расклеивали: «Концерт-встреча», фамилии аршинными буквами. А по бокам сверху – фотки двух больших мастеров экрана, где они запечатлены с солидными улыбками, в строгих пиджаках и даже в галстуках.

В Москву заезжали на три дня в середине января, а потом окончательно вернулись уже в конце февраля. В преддверии важных перемен...

Свой театр

Первый раз Высоцкий и Любимов встретились еще весной. Много тогда было разговоров о том, что Юрий Петрович (вахтанговский актер, и в кино тоже снимался: до войны в «Робинзоне Крузо» играл Пятницу) приходит главным режиссером в совершенно захиревший Театр драмы и комедии, тот, что на Таганке. Между прочим, в прошлом году там в спектакле «Микрорайон» Леша Эйбоженко исполнял песню Высоцкого «Тот, кто раньше с нею был» – в качестве, так сказать, народной. Но сейчас речь не о том, кто там раньше был, а о любимовской труппе, куда вошли десять студентов из его выпуска в Щукинском училище.

Двадцать третьего апреля у них прошла премьера брехтовского «Доброго человека из Сезуана», о котором шум прошел по Москве уже после выпускного спектакля. Как говорят в таких случаях, впечатление разорвавшейся бомбы. На взрыв все стали сбегаться, и он тоже, разбираемый любопытством, проник в Театр Маяковского, где любимовские ребята давали выездное представление.

Он был потрясен и смят. Вот, оказывается, как можно работать!

Почти никаких декораций, актеры не загримированы. Кто-то говорил, мол, ходят не по людски, какими-то квадратами. А это они так обозначают улочки, переулки старинного квартала – все имеет под собой нормальную почву. Главное, чтобы зрители верили – и тогда необязательно на сцене огород городить.

И еще они поют. Причем не как в оперетте или в какой-нибудь «Волге-Волге», где посреди разговора вдруг раз – и запели: «А-а-а!» – как чертик из бутылки. Нет, здесь пение таким нервом через спектакль проходит – можно даже сказать, декорацию заменяет. Зонги звучат, когда напряжение достигает такой силы, что простая речь невозможна. Черт возьми, этот театр похож на меня!

Любимову о нем докладывают Слава Любшин, Тая Додина. По наводке Кочаряна и Макарова переговоры ведет режиссер Анхель Гутьеррес. Ну что, будет наконец и у него свой театр? Прекратится это вечное «непрохонже»? Силы на исходе, нелегкая опять заносит в алкогольный кошмар. Сваливается где-то на улице – люди добрые вытаскивают последние гроши и документы из карманов. Поднимают его милиционеры, отвозят в вытрезвитель, откуда он попадает в Люблинскую больницу. Это погружение в бездну, эта рискованная репетиция смерти сменяется просветом.

Тая Додина вспомнила чеховскую «Ведьму», которую она играла на выпускном спектакле мхатовской Школы-студии: «Попробуй роль дьячка, ее и покажешь Любимову». Порепетировали у нее дома на Мытной. Потом Тая договорилась с директором Таганки – Дупаком, что будет показ. В июне происходит эта встреча – историческая и судьбоносная, как выяснится впоследствии. Он поначалу нервничает: неужели и здесь, как в «Современнике» с Глухарем, получится?

Вот он – Юрий Петрович Любимов. Осанистый, но не барственный. Волевой, но не жесткий. Богема и аристократ в одном лице. Не по-советски длинные черные волосы тщательно расчесаны, европейская стального цвета легкая куртка на молнии, шейный платок в мелкую синюю клеточку смотрятся на нем абсолютно естественно – такая щеголеватая безупречность для московской пестро-разухабистой театральной среды непривычна. Облик режиссера впечатывается в память всякого, кто видится с ним хоть один раз. Не оказался бы этот раз первым и последним...

Сцену из «Ведьмы» он смотрит вежливо – не более того. Потом пару минут ненапряженно молчит и вдруг задумчиво так спрашивает:

– А что там у вас с собой?

– Гитара.

– Ну, если хотите спеть, то давайте.

Слушает внимательно, одну песню, другую, с тем великодушным выражением на лице, какое бывает только у вполне уверенных в себе людей.

– А что это такое вы всё поете? – с улыбкой слегка провокационной (знает ведь, конечно!).

– Это свое.

– А, свое... Ну, тогда я вас беру в театр. Поближе к осени давайте еще раз встретимся.

Тьфу-тьфу, конечно, не говори «гоп» и так далее... Но поразительная закономерность наметилась в его жизни. С людьми заурядными, среднего уровня никак не удается поладить. Хуже того: если ты с ними разговариваешь уважительно, они в ответ тебя просто презирать начинают, причем так убедительно, солидно, что ты и сам в себе засомневаешься. Чувства равенства для них не существует, им надо кого-нибудь унижить, потоптать для самоутверждения. А с людьми крупными, блестящими с полуслова контакт возникает. Не опускайся, Высоцкий, ниже себя – сама фамилия, тебе доставшаяся, требует выси, полета.

С этим новым настроением отправляется он в Латвию на съемки образцово-показательного фильма «На завтрашней улице», изображающего трудовой героизм на стройке в Сибири. Доставшаяся ему роль бригадира Маркина совсем не обременительна, но начальник актерского отдела «Мосфильма» Адольф Гуревич, утверждая его на эту роль, пригрозил, что в случае «срыва» выдаст Высоцкому пожизненный «волчий билет». А жить предстоит в лесу, в палатке, за сто километров от Риги...

Сева Абдулов с Яловичем и Пешкиным, чтобы подстраховать друга, заявили к режиссеру Федору Филиппову, что-то ему наплели, предложили ввести в сценарий еще одну передовую бригаду, и тот уступил, взял их тоже в Айскраукле. Над фильмом и над режиссером, которого он тут же прозвал «Федуар да не Филиппо», все откровенно смеются, зато развлечений – уйма. На лошадях покатались, выпросив их у латышей, правда, без седел, в результате чего пришлось потом отлеживаться. Как-то он достал в столовой четыре килограмма мяса и приготовил невероятной силы шашлык – все в восхищении пьют за его здоровье, а он, конечно, держится. И все время ждет вестей из Москвы...

И вот телеграмма, сопровождаемая криком: «У Высоцкого сын родился, второй сын!» Он мчится на газике в погоню за поездом, едва успеваешь. Приходит посмотреть на Люсю, на «дитю» (будущего Никиту, которого ему пока хочется назвать Сергеем или Алексеем), чувствует себя настоящим отцом семейства и готов бороться за мир и счастье всех детей. А на следующий день – разговор с Любимовым. Все решено окончательно: он едет досниматься в Прибалтику, Таганка – на гастроли в Рязань, а с сентября попробуем все начать сначала.

Девятого сентября он взят по договору на два месяца во вспомогательный состав, зарплата семьдесят пять рублей в месяц. Вышло некоторое неудобство с трудовой книжкой, где была открытым текстом записана причина увольнения из Театра Пушкина. Что делать? Любимов находит решение: предлагает уничтожить злополучный документ и просит отдел кадров выписать новый. С ним и новая жизнь начинается. В здании на Таганке ремонт, и спектакли идут в Телетеатре на площади Журавлева. Там девятнадцатого сентября в «Добром человеке из Сезуана» роль Второго Бога вместо заболевшего актера Климентьева впервые играет В. С. Высоцкий.

Тут же начинается к столетию лермонтовской годовщине срочная подготовка спектакля «Герой нашего времени», где он получает роль драгунского капитана – холодного

циника, вдохновителя дуэли. Персонаж не из главных, но привлекательна сама брутальная офицерская фактура. Наконец звучит со сцены раскатистое «высоцкое» «р», когда он беспощадно врезает растерянному, отказавшемуся стрелять Грушницкому: «Ну и дур-р-рак же ты, братец!» Инсценировку сделали Любимов и Николай Робертович Эрдман – автор «Самубийцы», занятый старик с богатейшей биографией, проявляющий неподдельный интерес к новому артисту и его песням. А тот пока поет со сцены чужие стихи на мелодию Таривердиева: «Есть у меня твой силуэт, мне мил его печальный цвет». Автор текста, впрочем, тоже неплохой – Лермонтов. И еще две маленькие роли здесь у Высоцкого – человек без голоса (молчащий отец Бэлы) и голос без человека – Горное Эхо, которое где-то там живет-поживает в ущелье и на человеческий крик отзывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.